

Андрей
Милованов

Про Россию

Pro
Russia

18+

Андрей Милованов

Про Россию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74217356

ISBN 978-5-4491-3112-6

Аннотация

Гротескная поэма с элементами иносказания, басни и народного лубка повествует о советском прошлом автора, за необычными приключениями которого скрывается глубокий сатиричный и ироничный подтекст, в котором русский читатель безошибочно угадывает отношения между чиновничеством, властями и простым народом. На фоне событий войны в Афганистане разворачиваются картины истории повседневности, открываются страницы истории жизни граждан эпохи развитого социализма, в том числе событий Олимпиады-80, похорон Владимира Высоцкого, непосредственным участником которых был автор – принципиальный молодой человек, верный своим убеждениям вопреки торжеству советского безбожия.

Андрей Милованов

Про Россию

© Д. Милованова, иллюстрации, 2022

* * *

Нам не видать чужих оков,
Мы слышим звон колоколов,
С небес Господь для нас играет,
Всем Русским душу освящает.

Год олимпийский наступил,
Набат от партии пробил,
Осуществить секретный план,
Ввести войска в Афганистан.

Мы видим все одну картину,
Войска идут по серпантину,
Вертушки с неба прикрывают,
С земли по ним враги стреляют.

Что мы на той земле забыли?
Зачем чужую дверь открыли?
Афганцы нас не пожалеют,
«Груз 200» – марочку наклеят.

Афганцы дом свой защищают,
Из всех ущелий в нас стреляют,
Лежат убитые юнцы,
Зачем России мертвецы?

Гроб с парнем нашим в цинк заварят,
Домой к родителям отправят,
Единственный у них сынок,
Теперь родитель одинок.

Народ наш дружный и сплоченный,
Идем за гробом всей колонной,
Мать и отца под руки держим,
Людей своих в беде поддержим.

Посадил гортензии у себя в саду,
И сегодня вечером к ним гулять пойду,
Я к щеке бутоны нежные прижму,
Ох, Россию-матушку больше всех люблю.

Все, что есть на свете, я бы ей отдал,
Именем России я бы мир назвал,
Жизнь – Святой России, Богу посвятил,
И все двери Храмов для людей открыл.

Есть в России Вера, Русскою зовется,
С ней народ ложится, с нею и проснется,
С нею всех встречают, с нею провожают,

Русь свою от врага ею защищают.

Враг тот не знает матушку-Россию,
Он пришел с войной к нам, утешить гордыню,
Наш народ за Веру встанет, как один,
Убежит от Веры немощный кретин.

А когда ненастье в дом отчий постучится,
В Церкви рядом встанем Матушке молиться,
Отведет несчастье от угодий наших,
Весь народ спасет наш – и младых, и старших.

Кто голову свою за Россию сложит,
В рай пройти к Христу с Верой он сможет,
Славою покроет Русскую страну,
Все в России с Верой, как было в старину.

Мы героев подвигпомним навсегда,
Пусть проходят годы, пусть пройдут века,
Всех помянем павших в войнах на фронтах,
Мы зажжем все свечи в Храмах и Церквях.

С небес от Бога жуткий гром:
«Зачем зашли в чужой вам дом?
Зачем в афганцев вы стреляли?
Зачем людей там убивали?»

Они с войной к вам не пришли,
Хватает им своей земли,

У них обычаи лихие,
Для них мы варвары, чужие.

Они не могут смерть простить,
За честь убийцу им убить
Родных из собственных семей, —
Мсть за убитых всех важней.

Победы вы там не найдете,
Детей погибель обретете,
Осиротеет Русь Святая,
Кому нужна земля чужая?

Я Русские вам дал просторы,
Поля, леса, моря и горы,
Вам Веру дал, Святую Мать,
Я не могу никак понять,

Чего вам только не хватает?»
Детей своих страна теряет,
Пошли по головам метели,
Отец и мать вмиг поседели.

Кто сына им в семью вернет?
Невесту в дом, кто позовет?
Как внуков им услышать плач?
Кто на Руси Святой палач?

Чем парни на Руси моложе,

Они становятся дороже,
Зачем чужбина вам нужна?
Россия есть, она одна.

Зашли бойцы в Афганистан
И тут же вляпались в капкан,
Над ними вороны кружили,
С небес о смерти говорили.

Тот ворон парню смерть накаркал,
Отец от Бога слов заплакал,
Его округа утешает,
Как дальше жить ему, не знает.

Опять с небес вещает Бог,
«Продолжу Я свой монолог,
В России-матушке родились,
А ведь ни разу не крестились,

Людей церковных убивали,
Иконы в клочья разметали,
Святые Храмы поносили
И мир кощунством удивили.

В ухабах вся ваша дорога,
Шестой десяток вы без Бога,
Вам коммунизм всего важней,
Взасос вы любите вождей.

А им на вас, на всех плевать,
У них отдельная кровать,
Они вам Бога заменили,
Грехи земные всем простили.

У них своя патриархия,
Там, в мавзолее, их мессия,
Все ждут, что встанет и пойдёт,
А он в гробу своем гниет.

А сколько трупов за спиной,
Оставил он в стране родной,
Никто не может подсчитать,
Смерть для него – родная мать.

Теперь они в России знать,
„Нам нужно больше убивать“, —
Писал хранитель мавзолея,
Ни стар, ни млада не жалея.

Вы здравый смысл в себе убили,
В крови Россию утопили,
Кровавый флаг вам эталон,
Вам черти бьют земной поклон.

Вся ваша власть – „дом престарелых“,
Вождю поддакивать умелых,
Всем по девятому десятку,
У них давным-давно всё всмятку.

С поста лишь смерть его столкнет,
Прах в урне место обретет,
В стене Кремлевской колумбарий,
Для власти всей один сценарий.

Всю жизнь ходили за вождем,
За мавзолеем теперь дом,
Что смерть владыкам изменила:
Вождь и лакейская могила».

Услышав Бога речь, страдание,
Отец впал разумом в отчаянье,
«Зачем рожали мы детей?
Для наших старческих вождей?

Они на грудь свою медали,
А нам детей в цинк запаяли,
Они браваду себе, честь,
Вожди не знают слова „месть“.

Ребят на смерть, войну послали,
Причину розни не сказали,
Приказ вперед, назад ни шагу —
Стране вы отдали присягу.

Отец и мать идут за гробом,
Как сына проводить нам с Богом?
Как в Храме воина отпеть?

В рай пусть отправит его смерть».

А Храмов нет, они разбиты,
И кровью паствы все залиты,
А вместо купола с Крестом,
Флаг черта с молотом, серпом.

Страна советов сиротеет,
Детей, как раньше, не имеет,
Зачем мамам их рожать?
Режим их станет убивать.

Убьют за Маркса «Капитал»,
Всю жизнь который он писал,
Убьют за Ленина идеи,
Россию предали «евреи?»

Убьют за Сталина, Хрущева,
Убьют за Брежнева, любого,
Они – вожди в стране «святые»,
Их дети – отпрыски крутые.

На смерть отцы их не пошлют,
Им дом родной, очаг, уют,
Пылинки с плечика сдувают,
Как могут, их оберегают.

Вождам «груз 200» незнаком,
Наполнен радостью их дом,

Там пьянки, танцы и пирушки,
Блестят их лысые макушки.

Пока элита пьет, танцует,
Могильщик в яму гроб пакует,
Отец в слезах и мать обнялись,
Навеки с сыном попрощались.

Землицы горсть на крышку гроба,
«Прими сынка, – просили Бога, —
Все, что имели, потеряли,
Где наши Русские морали?»

* * *

В стране советов вновь покой,
Так называемый застой,
Спортивный праздник на дворе,
Огонь зажегся на горе.

Огонь тот в факелы забрали,
По многим странам с ним бежали,
Бежать с огнем – большая честь,
С ним нужно вовремя успеть.

А стадион стоит в Москве,
Поклоны бьет своей горе,

Все носит имя Ильича,
Гора и стадион родня.

Куда ни плюнь, везде Ильич,
Генсек наш – тоже, старый хрыч,
Он отчество не выбирал,
Отец ту метку сроду дал.

Наш дорогой весьма Ильич
В стране советов бросил клич:
«В союз бредет Олимпиада,
Для нас лишь золото награда,

Другой металл стране не нужен,
В войне я с немцем был контужен,
Теперь другие времена:
Олимпиада – как война.

Должны мы за медали биться,
К вершине спорта все стремиться,
Футбол пусть будет, состязание,
У нас одно для вас желание:

Мы первыми должны все стать,
Нам на Америку наср. ть,
Заткнуть за пояс нужно всех,
В страну тогда придет успех».

У нас всё, как в том анекдоте,

Не знал Ильич наш о бойкоте,
Не знал о сговоре всех стран,
Попал наш Лёня в свой капкан.

Мы долго строили проспекты,
Вдоль них спортивные объекты,
Придет к нам скоро праздник спорта,
Нам стадион важней курорта.

Политбюро, как старый хрыч,
Всех охватил в нем паралич,
Когда узнали о бойкоте,
Да, редкий случай в нашем спорте.

«Политика и спорт – две силы,
Они никак несовместимы!» —
Кричал генсек с любой трибуны.
Погост, «груз 200», вновь могилы...

Война нас сделала изгоем,
И занавес мы не откроем,
Его из стали нам отлили
И внешний мир отгородили.

Олимпиаду очень ждем.
В Афгане в бой за что идем?
Я к теме спорта здесь вернусь,
Простит читатель меня пусть.

На кладбищах – аллеи славы
Героев Родины, державы,
Могилы быстро заполняют:
Детей в Афгане убивают.

Так появились уклонисты,
Под стать хорошие артисты,
Больных талантливо играют,
Зачем служить там, где стреляют!

Ребят я этих понимаю,
Ни в чем я их не обвиняю,
Зачем в чужой стране стрелять?
За блажь вождя им умирать?

Но пропаганда вещь гнилая,
Она не Русская, чужая,
Нам в уши льют со всех сторон,
Война нам – верный бастион.

По телевизору вещают:
«Враги в Афгане в нас стреляют,
Бандитов всех мы уничтожим,
Путь в коммунизм мы им предложим».

В стране есть власть, политбюро,
У них есть ум, а там свое,
По свету всем из уст пророчим:
«Весь мир крестьянам и рабочим».

Я, слава Богу, отслужил,
В комод билет свой положил,
Не нужно нарушать приказа,
Служить сверхсрочно нам два раза.

* * *

Я в типографию вернулся,
Начальник мило улыбнулся:
«Тебя судьба к нам привела,
Теперь у нас ты навсегда».

Прошел я гоголем по цеху,
Приветы всем вещаю сверху,
Поклоны в ноги до земли,
Мне отвечали, как могли.

И вновь на прежней я работе,
Наш комсомол всегда в заботе,
Печется все о молодых,
О сильных, смелых, холостых.

Комсорг – девчонка так себе,
Два метра ростом, не по мне
Таскать с собою табуретку,
Так лучше целовать соседку.

Со мною у неё прокол,
Меня все тащит в комсомол,
Ей говорю: «Ваш труд напрасный,
Для комсомола я ужасный».

Она со всех меня сторон,
Визит комсорга страшный сон,
В цеху её не избежать,
Прости меня, Святая мать.

Приходит каждый день раз пять,
Я ей: «Привет, пришла опять
Мне душу рвать за комсомол,
У вас, мадам, опять прокол».

Работники в цеху с усмешкой:
«К тебе спешит она с пробежкой,
У нас один ты холостой,
Она к тебе со всей душой».

Коллегам я тогда сказал:
«Она не есть мой идеал,
Вы посмотрите под рубашку,
Душа её вся нараспашку.

А на груди значок висит,
Владимир Ленин, флаг блестит,
На душу смотрит, бедолага,

Слюну глотает наш бедняга.

Душа её всем напоказ,
Ей Вова дал такой указ:
„Комсоргом дольше чтоб ходить,
Должна меня ты ублажить“.

Она к нам ходит, ублажает,
Грудь нараспашку, удивляет,
А молодежь ей потакает,
Вся разом в комсомол вступает.

Меня душа та не прельщает,
Нет той струны, что гимн играет,
Нет в ней звезды, что вдаль зовет.
Что парня в ней с ума сведет?

К нам в цех когда она заходит,
Напрасный разговор заводит,
Всем душу снова напоказ,
Я не смотрю, не порчу глаз».

Коллеги надо мной смеются,
Улыбки с лиц их просто льются:
«Верста опять твоя идет,
Смеется, песенку поет».

«Верста, так это не моя,
Пусть держит путь в свои края,

С собой пусть душу забирает,
Пускай с другим в любовь играет».

Своим коллегам отвечал:
«Она, увы, не мой причал,
Комсорг пусть смотрит вдаль уныло,
Паром мой проплывает мимо».

Но, нужно знать наш комсомол,
Хоть провались пред ней под пол,
Она и там тебя достанет,
«Иди ко мне», – из горла грянет.

На зависть всем её напор,
Возьму версту я на измор,
Пускай в любовь свою играет,
Что ждет её, она не знает.

* * *

Мой день рабочий завершился,
Спустился в душ и там отмылся,
В руках моих блестит расческа,
На голове пробор, прическа.

Иду, благодарю природу,
Метро «Арбатское» по ходу,

Пятак я за проезд плачу,
По лесенке вперед лечу.

Мой поезд подкатил к платформе,
Стоит девчонка в красной форме,
Она командует посадкой,
Народ заходит в дверь украдкой.

Знак машинисту подает,
Наш поезд покати́л вперед,
Я у дверей расположился,
Устал чуть-чуть, на миг забылся.

Протяжный голос в микрофон,
Мужчина, нежный баритон,
Платформу объявляет он,
Народ покинул наш вагон.

А я с усталостью борюсь,
Заснуть здесь у дверей боюсь,
Меня немножко укачало,
Я завтра день начну сначала.

Я вижу станцию родную,
Каркас стеклянный, проходную,
Зеркальный вижу пруд с водой,
Дорожку, что ведет домой.

Вагон к платформе подошел,

Народ толкучкою сошел,
Я так же был там, только с краю,
Иду и во весь рот зеваю.

Бегу домой родной тропинкой,
Гора мне кажется пылинкой,
Деревья, что растут у пруда,
Им не страшна зимой простуда.

Закалкой с детства мы гордились,
Мы, как тростинка, не сломились,
Вода в пруду – Святой источник,
Зайдешь, так сводит позвоночник.

Дошел до отчего двора,
В нем хороводит детвора,
Стоят огромные качели,
Поодаль с ними карусели.

В песочнице так рой детишек,
Девчонок мелких и парнишек,
Там замки строят из песка,
Меня в тиски берет тоска.

Как годы быстро пролетают!
Снежинки так в ладони тают,
Еще сознание не созрело,
Стрелой детство улетело.

Еще вчера ты здесь играл,
И с горки вниз по льду бежал,
Летели вверх мои качели,
Девчонки рядом песни пели.

Зашел в беседку, в ней присел,
За мною мяч под стол влетел,
Я слышу: «Мяч подайте, дядя,
Ногами бьем его, не глядя».

Мои мозги тут удивились:
«К кому детишки обратились,
В беседке я один сижу,
На двор, на свой родной гляжу».

Я мяч достал, ногой ударил,
Детишкам радость тем доставил,
«Спасибо, дядя», – мне кричали,
Рассудок мой уже в печали.

Мне, что я дядя – невдомек,
Двор наш мне преподал урок,
Ты планку в двадцать лет прошел
И зрелость в юности нашел.

Во сне мне лишь могло присниться,
Но с этим нужно всем смириться,
Вчера ты парень молодой,
Сегодня – дядя, Бог с тобой.

Домой иду я из беседки,
Со мной приветливы соседки,
Я также им земной поклон,
У нас приветствие – закон.

Язык ты словом не сломаешь,

Лишь уважение узнаешь,

Спасет тебя от разных бед,

Ты скажешь: «Здравствуй, мой сосед».

Лечу по лестнице стрелой,
Маманя ждет меня домой,
Дверь наша, как всегда, открыта,
Скатерка на столе накрыта.

Я раздеваюсь, умываюсь,
Затем мамане представляюсь,
Покушать мне совсем не лень,
Я отработал целый день.

Маманя борщ мне наливает,
Корзинку с хлебом подвигает,
Я на неё любя смотрю,
Спасибо маме говорю.

Она все так же: «Как, сыночек,
Провел ты день, мой голубочек?»
Я ей в ответ: «Мам, как обычно,
С утра работать мне привычно.

Я на работе не устал,
Мне двадцать два, я профи стал,
Спасибо, Бог, за наставление,
Поклоны докам за учение.

Всех стариков я поразил,
Разряд я пятый получил.
„Да, как же так, пацан сопливый!
Кричал еврей в цеху строптивый.

Нам в сорок лет, в стране родной
Разряд труда очередной,
А здесь сопливому юнцу
Все привилегии к лицу.

Весь цех наш должен возмутиться,
Не дать младому возгордиться,
В зарплате будет перекос“, —
Вещал строптивый ортодокс.

Весь цех ответил за меня:
„Мы на работе, как семья,
Ты что, Абрамыч, нам доносишь,
Зачем ты юношу поносишь?

Ты тяжесть ручки лишь познал,
Юнец полиграфистом стал,
На всех ты пасквили писал,
Юнец работал, не читал.

Он с детства на страну пахал,
Доносы ты на всех писал,
Он Православный, Бога раб,
Ты здесь, в цеху, для нас сатрап.

Для нас в цеху он всем родной,
Ты ирод и для нас чужой,
В России парень наш родился,
А ты откуда появился?“

„Чуть нос я свой наверх задрал, —
Я маме сказ свой продолжал, —
Но приземлился в тот же миг,
Зачем расстраивать своих“.

А мама смотрит на меня,
И говорит, меня любя:
„В работе ты, сын, преуспел,
Бог дал тебе такой удел,

Тебе повысили разряд,
И месячный большой оклад.
Коллеги рады за тебя,

У них, у старших, ты дитя,

Тебе всем цехом помогали,
Ошибки были, все прощали.
Ты для коллег уже родной,
В пожар и в воду с головой,

У вас Абрамыч просто гнус,
Он по натуре в жизни трус,
Ты спец, разряды получаешь,
Ты ночью спать ему мешаешь.

У вас он старый баламут,
Все кошки душу ему рвут,
Тебе начальство похвалу,
Он на тебя в народ хулу.

Ты рано двери в жизнь открыл,
Тебя Абрамыч невзлюбил,
Тебя как прежде будет славить,
В твои колеса палки ставить.

Ты ешь, сынок, меня не слушай,
Картошку вот возьми, покушай.
Куда ты вечером пойдешь,
С кем этот вечер проведешь?“

„Я, мам, пока еще не знаю,
Есть вечер, им располагаю,

К Марату, может быть, схожу,
Как жизнь проходит, расспрошу“.

Тебе, сыночек, я скажу,
Быть аккуратным попрошу,
Грядет в стране Олимпиада,
Кому-то мед, кому преграда.

Есть люди пьют, есть балагурят,
Есть тунеядцы, травку курят,
С законом, люди есть, не дружат,
Есть люди, что в психушке тужат.

Власть всем поставила отметку,
Взяла людей тех на заметку,
Готовит к высылке народ,
В верхах их называют „сброд“.

Их за сто первую версту,
В угоду высшему посту,
Начнут насильно высылать,
В тот список можно всем попасть».

«Я буду осторожен, мама,
В семье мы не допустим срама,
Мы в список тот не попадем,
Людей своих не подведем».

Набросив курточку на плечи,

Я ждал с Маратом долго встречи,
Двор провожал меня в наш парк.
Висит афиша с Жанной д'Арк,

В кино реклама приглашает,
Купить билеты предлагает,
Я знаю, многие пойдут,
Там пиво с бутербродом пьют.

Меня буфет тот не прельщает,
Марат получше угощает,
Я через парк спешу к нему,
Его я встречу, обниму.

* * *

Принял наш Храм весенний облик,
Пред ним скамейки, Святой дворик,
Власть удосужилась поставить,
Кто мог её тогда заставить?

Да, на носу Олимпиада,
А для казны турист – награда,
Не приведи Господь дойдет,
Так Храм его с ума сведет.

Развален, сгорбившись стоит,

А на дверях замок висит,
И паперть мхом вся заросла,
Не видно купола, Креста.

Турист тогда народ наш спросит:
«Кто Храмы Божьи у вас сносит?»
И что ему нам отвечать?
Приказ от власти всем молчать.

Ну, слава Богу, сколотили
Скамейки, рядом разместили,
Смешнее нет карикатуры,
Для власти Храм – очаг культуры.

Я Храмом Божьим дорожу,
Благоговея захожу,
Я верю, время подойдет,
Крест с купола огонь зажжет.

И воссияет вся округа,
Мы станем целовать друг друга,
Польется колокольный звон,
Вновь будет царствовать закон.

Народ наш в Церковь устремится,
Вновь станут Богу все молиться,
Детей с рождения крестить,
И ближнего всегда любить.

И коммунисты приползут,
Лоб свой в лепешку разобьют,
Заплачут громко: «Нас крестите,
За злодеяния простите.

Мы, как и все, хотим молиться,
У Бога лучшему учиться,
Всем Храмам до земли поклоны,
В дом Православный наш иконы.

У нас не будет больше лени,
Мы встанем в Храме на колени,
Молитвы по бумажке петь,
Народ мы будем слушать впредь.

Зачем вождей нам идеалы,
У нас есть Храмы, в них причалы,
Мы в них родимся, в них умрем,
Жизнь свою с Богом проведем.

Все Храмы, что мы разломали,
Нас приведут к Святой морали,
Их с Божьей помощью построим,
Все восстановим и намолим.

Зачем в России нам советы?
Зачем бесстыжие декреты?
Зачем ячейки нам активы?
Зачем бездарные призывы?

Зачем война в Афганистане?
Зачем билет носить в кармане?
Зачем нам в партию стремиться?
Зачем нам, нехристям, учиться?

Страну Россией вновь назвать,
На серп и молот наплевать,
Народ наш Русский в Крестный ход,
На трон Царя с поклоном ждет.

И вспомним гимн „Боже Царя“,
Поет народ его не зря,
В атаку с ним всегда ходили,
Врагов России с Богом били.

Отмолим мы грехи сполна,
Россия Богом нам дана,
Народ наш Русский все поймет,
К нам Вера вновь в народ придет.

Мы каждый день её хулили,
Святыни образ позабыли,
Нам выбивали из голов,
„Храм служит лишь для дураков“.

Чем можно Веру выбивать?
А тех, кто верит, убивать,
За Веру могут посадить,

Не нужно партию смешить.

У коммунистов нету Веры,
Маркс, Энгельс, Ленин – Люциферы,
Народы мира баламутят,
А из людей веревки крутят.

Для них, кто верит, те бандиты,
Все двери тюрем им открыты,
Ты верить в Бога захотел?
На десять лет в тюрьму присел.

Мы миллионам жизнь сломали,
Сажали в тюрьмы, убивали,
Нам нужно Бога всем бояться,
За упокой к гробам склоняться.

Гробов преклонных пол страны,
Погибли все от сатаны,
Погосты полные могил,
Их Бог заочно всех крестил.

Каким же нужно быть паскудой,
В народе Русском стать Иудой,
Отца на сына натравить,
В себе Святое все убить.

Как будет жить отец без сына,
В музее есть пример, картина,

Царь Грозный плачет, сын убит,
Отец всю жизнь себя хулит.

Для коммуниста грех за славу,
Убить соседа им в забаву,
Раскаянье-то не для них,
Чужой всегда среди своих».

Сидел на лавке, замечтался,
Я в этом сам себе признался,
Храм предо мной родной стоит,
Закрит, разграблен и разбит.

Все люди, мимо что идут,
К подножью Храма подойдут,
К стенам родным все прикоснутся,
Как нам всем в прошлое вернуться.

Разлука с Храмом стала дольше,
Людей у Храма стало больше,
Все начинают понимать:
Россию нужно возвращать.

На паперть вновь скрипач пришел,
Меня узнал он, подошел,
Поклоны мне свои отбил,
«Храни вас Бог, – мне говорил. —

Мы ходим с вами здесь по краю,

Для вас я полонез сыграю».
Рука за гриф тогда взялась,
И скрипка нежно разлилась.

И Боже он Царя играл,
Народ тихонько подпевал,
Нам строчки не забыть родные,
Мы помним гимн, слова простые.

Припев все пели в унисон,
«Храни Царя» со всех сторон,
Все громче, громче был куплет,
В хор превратился наш дуэт.

Скрипач Царя гимн завершил,
Народ, как мог, благодарил,
Я целый рубль ему отдал,
«Спасибо, брат», – ему сказал.

Он рубль увидел, удивился,
В душе своей перекрестился,
«Спаси вас Бог, – он мне сказал, —
Для вас я гимн Царю играл».

Ему я низко поклонился,
Дал всем понять, что с ним простился,
К воротам Храма подошел,
Здесь смысл жизни свой нашел.

Вратам я тихо говорю:
«Дождались, гимн поем Царю,
Народу много, помнят Бога,
Не зарастет к тебе дорога.

Народ, что в парк гулять идет,
Он мимо Храма не пройдет,
Приходит Храму поклониться,
И Богу нашему молиться.

А партбилет не нужен в Храме,
Оставь его ядреной маме,
Ты над гордыней поднимись,
Приди и стенам поклонись.

Когда ты Крест свой отобьешь,
Тогда лишь только ты поймешь,
В России Веру мы убили,
Детей рожденных не крестили.

Нас пролетарская рука,
От Бога, Храма отвела:
Три поколения рожденных,
По Вере в Храме не крещеных.

Живем сегодня мы в крамоле,
У всех в семье иконка в доме,
Вот только место ей в чулане,
Внизу, с вещами, в чемодане.

На праздник шторы все завесим,
Иконку на стену повесим,
Зажжем под ней в лампадке свечку,
Тепло и радостно сердечку.

Добром жилье все озарится,
Перед иконою молиться
Начнем, всех вспомним и родных,
Бабуль, дедуль и молодых.

Ну вот и все, пора прощаться,
Есть время, нужно расставаться,
Я все прекрасно понимаю,
Врата твои я обнимаю».

Душою здесь я отдыхаю,
Наверх молитвы посылаю,
Прошу за всех своих родных,
Далеких, близких и чужих.

Сошел на паперть от ворот,
Лицом вновь к Храму разворот,
Три раза Богу помолился,
Всем людям в ноги поклонился.

На лавках старички судачат,
Вопросы старых озадачат,
Мне молвят старички: «Родной,

Поклон тебе от нас земной,

Вам нужно к Богу торопиться,
Должна Россия возродиться».
Вернется к нам Святая Русь,
Я вами, старики горжусь.

Из Храма вышел на дорогу,
Поклон опять Святому Богу,
Он в мире этом всех ведет,
Благословенье раздает.

* * *

Марата вижу я улыбку,
Открыл знакомую калитку,
Меня в объятия забирает,
И крепко-крепко обнимает.

Садимся мы за стол большой,
Такой знакомый нам, родной,
Он начинает разговор:
«Как там работа, как там двор?»

Я отвечаю: «Все в порядке,
Работа, двор наш, как в тетрадке,
Господь в ней жизнь нам написал,

Дорогу в вечность указал.

Я той дорогой дорожу,
К тебе нет-нет, а прихожу,
Дорогой этой мы гордимся,
Друг друга потерять боимся.

Жизнь без друзей – сплошная мука,
Зачем дурная нам разлука,
Куда деваться без друзей?
Да только к черту в мавзолей.

Когда споткнулся ты, упал,
Кто быстро так тебя поднял?
Конечно друг, сомнений нет,
Спасет и даст тебе совет,

Двойных дорожек не бывает,
Есть старший друг, он это знает,
Когда есть ум, а лучше два,
Понятней друга мне слова.

Представь, что кто-то без друзей:
Он в жизни просто прохиндей,
Он вечно лезет с кем-то в споры,
Надежды в жизни нет, опоры.

Кто в жизни даст ему советы,
А он – на люд простой наветы,

Затем кусает себе локти,
Как волк, грызет от крови когти.

Как можно дело начинать?
Когда совет нам негде взять,
Нет близких у тебя друзей,
Ты с каждым днем все злей и злей.

Жизнь без друзей – потеря дней,
Начать работу все трудней,
Себе опору не находишь,
С ума ты потихоньку сходишь».

Марат сказал: «Ты прав, мой друг,
Жизнь без друзей сплошной недуг,
Я без друзей, как сирота,
Мир не видать мне, слепота.

Друзей нет рядом, я тоскую,
Работу делаю любую,
Но та работа будней тень,
Мне без друзей работать лень.

Я Армянин, ты Русский парень,
А наша дружба твердый камень,
Её ничем не разобьешь,
Я загрущу, тут ты придешь.

А если что с тобой случится,

В дом твой ненастье постучится,
Я здесь, я рядом на пороге,
Не быть беде в твоём чертоге.

С постели утром я встаю,
Христа всегда благодарю:
„Спасибо, Бог наш, за друзей,
С друзьями мир всегда светлей“».

Весна, погода позволяет,
С небес нам солнышко сияет,
Идет народ к Марату в гости,
Есть радость в лицах, нету злости.

Меню не просят, все тут знают,
Вкусней нигде не угощают,
Харчо, салат, шашлык свиной,
Графин с кристальною водой.

Есть пиво, водка, есть вино,
Бутылки в ряд, прям как в кино,
Есть прохладительный напиток,
Его привозят нам в убыток.

Да под горячий шашлычок
Пить будут только коньячок,
Зачем напитком прохлаждаться,
Есть пиво, можно им добраться.

Я стал Марату помогать,
Народ за столики сажать,
Заказ я также принимаю,
С почтением к людям выполняю.

Весною в парке все красиво,
Все расцветает, просто диво,
В душе есть праздник у людей,
Зовут к Марату всех друзей.

Рабочий день уж завершился,
Народ от дел освободился,
Им нужно вечер скоротать,
Идут к Марату отдыхать.

Идут друзья на званый ужин,
Чужой в компании не нужен,
Здесь можно хорошо покушать,
И друга лучшего послушать.

Тут громко можно тост поднять,
Друзьям здоровья пожелать,
Поставить перед ним задачу,
Скорей поймал чтоб он удачу.

Затем от друга пожелание,
Свое он помнит воспитание,
Здоровьем друга окрестит,
Стареть ему он запретит.

Подходит вечер к завершению,
Все сыты, слава угощению,
Уже звучит: «На посошок,
По крайней выпьем, мой дружок».

С гостей мы деньги получили,
И чеки в кассе всем пробили,
Гостей всех чинно провожаем,
Здоровья, радости желаем.

Вот и уборка завершилась,
Вокруг все чистотой накрылось,
Все как всегда, у нас с Маратом,
Бурчит под нос он что-то матом.

Я монолог его прервал,
И твердым голосом сказал:
«Давай-ка сядем, чай попьем,
И монолог твой разберем?»

В стаканы чаю мы налили,
Ватрушки рядом разместили,
С лица Марата возмущение:
«В душе моей растет сомнение,

Директор нынче приезжал,
Такую новость мне сказал —
В стране грядет Олимпиада,

Для нас, для торгашей, засада.

От жизни мы навек отстали,
Для нас дни черные настали,
В мозгах генсека стадионы,
Закреть велели павильоны.

У нас затоптаны все тропы,
Отстали мы от всей Европы,
Кафе полно там, ресторанов,
Полно там и коктейльных баров.

Вот и решили нас закрыть,
В кафе всю утварь разместить,
Открыть там бар и дискотеку,
Зачем ходить в библиотеку?

Порыв сегодня в ногу с модой,
Мы к молодым со всей угодой,
Нельзя от Запада отстать,
Своё нам нужно развивать.

Решили общепит закрыть,
Зачем в столовую ходить,
В кафе накормят нас обедом,
А вечер встретим здесь с соседом.

Вечерний бар открыт с пяти,
Заплатишь, можешь ты пройти,

Там светомузыка играет,
Бармен коктейль всем наливает.

В бар три рубля билет на вход,
Коктейль, орешки, фрукта плод,
Входной билет за все оплата,
Хороший вечер, как награда.

Столы здесь рядышком накрыты,
Не все порой приходят сыты,
Их нужно ужином кормить,
Из бара что-то им налить».

Марат на чай свой налегает,
Беседу дальше продолжает:
«Директор проявил заботу,
Мне предложил в кафе работу,

В мозгах моих уже измена,
Мне должность предложил бармена,
Престиж работы бьет все планки,
Не будешь знать труда доярки.

Зарплата будет хороша,
Процент твой будет с барыша,
Не нужно рано просыпаться,
К обеду должен ты добратся.

Я знаю то, что перемена,

Она, как дряхлая измена,
Но жизнь на месте не стоит,
Ужалить вечно норовит.

Еще и то, что коммунисты,
У нас в народе, как артисты,
Моча им голову пробьет,
Тогда лишь только он поймет,

Нам нужно всем остепениться,
К чему-то новому стремиться,
Нельзя от мира отставать,
Прыть нашу нужно показать.

Мы им не немцы, не евреи,
Мы не французы, не пигмеи,
У нас в порядке с головой,
В стране есть нашей рулевой.

В стране политика одна,
Так если пить и ту до дна,
У нас в Союзе свой размер,
Нам заграница не пример.

Вот и решил наш секретарь,
Все подвести под свой алтарь,
Забыл он Русские обычаи,
Бармен за стойкой их приличие.

Нам наплевать на заграницу,
Зачем за ними лезть в петлицу,
У нас есть Русский паритет,
Для всех не русских он секрет.

Нам скажет сверху рулевой:
Страна, идите все за мной!
На стройки едем мы, на БАМ,
Теперь приедут гости к нам.

Марат! Какой уж никакой,
Нам секретарь для всех родной,
Подумай и прими решение,
Мы подождем, у нас терпение».

Я на Маратика смотрю,
И тихо, внятно говорю:
«Я молод, чтоб тебе перечить,
Но должен я тебе заметить,

Как скучно жить без продвиженья,
Есть человек и есть сомнение,
Да, страшно что-то начинать,
Зачем на месте нам стоять?

Мы впереди должны бежать,
Кто критикует – наплевать,
Мы рождены не для потех,
Все новое для нас успех.

Мы рождены для продвижения,
Не может быть у нас сомнения,
Есть путь, к нему дана звезда,
Ведет вперед она всегда.

На месте если нам сидеть,
Глаза все можно проглядеть,
Тебя возьмет клещами скука,
А это, брат, дурная сука.

Беги бегом и соглашайся,
В друзьях своих не сомневайся,
Придем, поможем и подскажем,
Кто навредит, тому укажем.

Директор классный у тебя,
Он знал, упрашивать нельзя,
Дал время должность ту продумать,
Бог нам велел все время думать».

Марат из кружки чай свой пьет,
От чая пар наверх идет...
«Как сложно будет расставаться,
Решил я сам себе признаться.

Здесь все свое и все родное,
А там все новое, чужое,
Здесь свежий воздух, парк, река,

Четыре стенки там, тоска.

Здесь белки, птицы, барсуки,
Там тараканы, моль, клопы,
Здесь на углях шашлык свиной,
Там сковородка с отбивной.

Аллеи видишь здесь, каштаны,
А там для крыс одни капканы,
Здесь воздух свежий нам всегда,
А там плита, на ней еда.

Я для себя уже решил,
И чистый лист опять открыл,
Стою я здесь, как у причала,
Я жизнь свою начну сначала».

«Ну, вот и ладно», — я сказал,
Марата-брата я обнял,
Тебя в кафе нам не забыть,
К тебе все будем приходить.

Чай мы допили, стол убрали,
Угли в мангале разметали,
Все крышки здесь на сковородках,
Закрыли двери мы в подсобках.

Закрыл Марат входную дверь,
Ком в горле, а из глаз капель.

Скрепит кассета в магнитоле,
Поет навзрыд о Русской доле.

* * *

Наш магазин зовут стекляшка,
Вот домик мой, пятиэтажка,
Марат к подъезду подкатил,
«Спасибо, брат», – ему гласил.

Мамане он привет послал,
Здоровья, счастья пожелал:
«На ужин приходи ко мне,
Я буду рад всегда тебе».

Я помахал ему рукой,
Спешу в подъезд, такой родной,
Дым не исчезнет никогда,
Там полутьма царит всегда,

Соседи постоянно курят,
Нас, молодых, немного дурят,
В окно дым ветром занесло,
Отсюда света нет, темно.

С соседями живем мы дружно,
Ругаться с ними нам не нужно,

В подъезде радость и печали,
Друг другу все мы помогали.

Сосед хороший – это счастье,
Нас с ним не проберет ненастье,
И руки никогда не сложим,
Друг другу мы всегда поможем.

Добрался до родных дверей,
Маманя: «Проходи скорей,
Все спят, один ты полуночник,
Прости, Господь, он мой помощник.

Сынок, что будешь вечером,
Картошку, суп тебе согреть,
А может парочку котлет,
Достану с ними я пакет».

«Не нужно, – маме я сказал,
На чай зеленый указал, —
Я был сегодня у Марата,
Там скушал мясо, два салата.

Поклон тебе передавал,
Спокойной ночи пожелал,
С ним говорил, расстроен он,
Покинет скоро павильон».

Маманя: «Как, что за дела,

Кого измена пробрала,
Неуж-то кто-то подавился,
А может комсомол напился?

А может первый секретарь,
В районе нашем он главарь,
Стал павильон его позорить,
Решил Марата он уволить»?

Тогда я маме объяснил,
Нет у Марата темных сил,
На повышение он идет,
Зарплата, должность его ждет.

Все старое пора забыть,
Объятия новому раскрыть,
Вперед должна вести дорога,
У всех она одна от Бога.

Маманя чай мне заварила,
«Ну, слава Богу, – говорила, —
У нас, что лидер, так больной,
К Марату я со всей душой».

Я чай зеленый пью вприкуску,
Печенье, мармелад в закуску,
А за окном давно стемнело,
В постель на отдых тянет тело.

Маманя мне: «Иди-ка спать,
Ведь завтра рано нужно встать,
Постель вся взбитая давно,
Пусть сон твой будет, как в кино».

«Спасибо», – маме я гласил,
Посуду за собой помыл,
Пошел я в ванную, умылся,
День мой на этом завершился.

* * *

Прилег я вскоре на подушку,
Провал, не чувствую макушку,
Стал одеялом накрываться,
В сон дивный начал погружаться.

И вновь мне снится Млечный путь,
Нельзя с него никак свернуть,
Босой иду я по цветам,
Цвет радуги и тут, и там.

Дуга семи цветов сверкает,
Наш дом, что ниже, освещает,
Я руки вверх к ней поднимаю,
Себя тем цветом согреваю.

Нет здесь дождей и нет ненастья,
Есть только цвет и только счастье,
Нет здесь агрессоров, врагов,
Нет здесь ни тюрем, ни оков.

Не может здесь обман случиться,
Не может горе обнажиться,
Нет скверны здесь и нет наветов,
Нет здесь и жизненных советов.

Здесь дан один всем верный путь —
Из жизни в смерть, нам не свернуть,
Рождаясь, должен ты смириться,
А умирая, вновь родиться.

Между рождением и смертью,
Должны пройти дорогу с честью,
Дать людям то, что Бог вам дал,
Делиться тем, что ты познал.

Ты Млечный путь тогда пройдешь,
Когда ты долго проживешь,
Когда отдашь себя народу,
Душа почувствует свободу.

И жизни Млечный путь таков,
Река течет, двух берегов,
А если берега зальет,
С пути жизнь Млечного уйдет.

Ты берега свои отдал,
Путь тебя Млечный не признал,
Пойдешь дорожкой кривой,
Бог не пойдет по ней с тобой.

Да, ты богат, тут спору нет,
Пока во тьме ты видишь свет,
Но ты, как перст один в ночи,
Ты в дверь к Иисусу не стучи.

Тебе Господь наш не поможет,
Грехи простить, нет, он не сможет,
Сошел ты с Господа пути,
Кому теперь кричать: «Прости!»

Во сне кричу: «Господь, прости!
Другого нет у нас пути,
Он Млечный, значит он прямой,
К Тебе иду, Ты наш родной».

И слышу я: «Ступай, ступай,
Ко мне идешь, а значит в рай,
Немного ты остепенись,
Смотри, дорогой не споткнись».

Взгляд бросит Он, а я замечу,
О, Боже мой, идет навстречу,
Теплом своим всех согревает,

Меня он радужно встречает.

Святой идет ко мне, Святой,
Он мне с рождения родной,
Объятья мне вновь раскрывает,
Три раза в щеки лобызает.

Я, как дитя, прильнул к груди:
«Прости, Святой, всех нас прости,
Живем сегодня мы в тревоге,
Ушла страна с твоей дороги.

Нам чужды стали все морали,
Войну с соседом развязали,
Хоронит Родина сынов,
А мы кричим: „Физкульт-здоров!“

Гробы идут к тебе с рабами,
Нельзя смириться с их годами,
Кладут их в землю, как дрова,
Они из Храмов ждут слова.

За что, скажи мне, мой Святой,
Прошла смерть с острою косою,
По нашей матушке-России,
Мы Млечный путь все так любили.

Звезда нам освещала путь,
Мы не могли с него свернуть,

Столкнули всю страну с него,
В стране есть черт, политбюро.

Но парень, двадцать лет ему,
Пошел он биться на войну,
Ему военный был приказ,
Сам секретарь им дал наказ.

Тот секретарь с бокалом в тосте,
А парень Русский на погосте,
Его никто не отпевал,
Нашел он на пути причал.

Теперь пирушка на сносях,
Олимпиада на костях,
Один на поле погибает,
Другой медали получает.

Страна гроб с телом на погост,
За здоровье спортсмену тост,
Одним война пошла в зачет,
Другим вершины и почет.

Скажи, родимый мой Святой,
Что нужно делать со страной?
Как человеку нужно жить?
С пути Святого не сходить?»

Святой опять меня обнял,

«Давай смотреть, — он мне сказал, —
Ты видишь этот Млечный путь,
Нельзя его нам вспять загнуть.

Легко всем плыть нам по течению,
Не только нам, и поколению,
Но если против поплывешь,
Затрату времени найдешь.

Но здесь вода, она стремится
Обратно в реку возвратиться,
Дорога Бога не простая,
Иди вперед, судьба такая.

Назад дорога приведет,
Вот только через смерть пройдет,
А если в сторону уйдешь,
Проблемы ты себе найдешь.

Пойми меня ты, раб послушный,
Ты в этом обществе не нужный,
Здесь Крест сменили на звезду,
СССР зовут страну.

А к другу в парк когда пойдешь,
Ты мимо Храма не пройдешь,
Ты вспомнишь всех, кто мир создал,
Кто на Кресте за вас страдал.

Ты вспомнишь Бога вознесение,
Людей на Пасху в воскресение,
Ты вспомнишь правильную Русь,
Я каждый день о ней молюсь.

Молюсь о том, чтоб Русь очнулась,
Народом к Богу повернулась,
Молюсь о Вере, что забыли,
Молюсь за вас Святой Марии.

Народ ваш помнит все года,
Россия с Богом навсегда,
Сегодня крен в умах народа,
Вам стыдно вспомнить про Бога.

Ты, раб, о Боге все тоскуешь,
Сам в этой жизни ты рискуешь,
Найдется недруг, донесет:
Тебя в тюрьму, ему зачет.

Я над тобой всегда родной,
Ты знаешь, я над головой,
Нельзя отнять у Русских волю,
Тебя обидеть не позволю.

А что касается страны,
Она хотела той войны,
Теперь страдают два народа,
Есть прихоть старого уroda.

Вождам в России все неймется,
Народу плохо там живется,
Его давно поработили,
Ввести войска они просили.

А кто просил, вы покажите,
О нем вы в прессе напишите,
Быть может, в той стране найдется,
Кому ужасно там живется.

Да если верили вы Богу,
В Храм проложили бы дорогу,
Спросили вы свою Святую,
Марию, для вас всех родную,

За что сегодня воевать?
Народ наш Русский убивать,
На горе ваших матерей,
Хоронят что своих детей.

В России горюшка хватает,
Француз, иль немец нападает,
Вы им даете по зубам,
У вас погост, то тут, то там.

Природой можно наслаждаться,
В России есть за что сражаться,
Ничто не вечно под луной,

Для нас Россия край родной.

Вот Млечный путь, дорога к Богу,
Ведет нас к светлому порогу,
Не всем дано к нему пройти,
Есть те, кто хочет обойти.

Есть магазин, есть черный ход,
Прилавок есть, а есть „из-под“,
Есть парень бравый, он рубаха,
А есть блатной, тот доходяга.

Здесь нет блатных, нет доходяг,
Да, ценят тут ребят-трудяг,
С какой бы не был стороны,
Все перед Богом вы равны.

В стране вы ждете праздник спорта,
Людей изгнали ниже сорта,
Убрали всех и диссидентов,
Вы не учли простых моментов.

Войну с соседом развязали,
В миру бумагу подписали,
Бойкот России объявить,
И спорта празднику не быть.

Прости, мой раб, за прямоту,
У вас есть трудности в быту,

Должны вы их преодолеть,
Вас ждут, как праздники, так смерть.

Бог не на вашей стороне,
Агрессоры вы на войне,
Легло проклятье на ваш род,
Вы смерть несете в тот народ.

Войну всегда легко начать,
Затем в гробах детей встречать,
Вам жить всем нужно осторожно,
Войну закончить невозможно.

Ты детство, армию прошел,
Закалку жизни в них нашел,
Тебя ведут твои Святые,
Тобой гордятся все родные.

Твои друзья тебе все рады,
Достойней нет у них награды,
Тыс ними жизнь их проживешь,
Да скоро сам ты все поймешь.

Тебе, мой раб, одно скажу:
Страна подходит к рубежу,
„Дом престарелых“ вами правит,
Господь их скоро в путь направит.

В последний путь уйдут с почетом,

Кресты поставят им зачетом,
Их имена увековечат,
Святую Русь тем искалечат.

Дорога в рай для них закрыта,
В Храм дверь гвоздем давно забита,
Святые с неба не придут,
В церквях их отпевать не будут.

Кто первый топал за спиной,
Придет руководить страной,
Народ страны его не примет,
Смерть очень скоро опрокинет.

Вас непростые ждут года,
Мой раб, но я с тобой всегда,
Работай, маме помогай,
Друзей своих не забывай.

Ну вот, раб Бога, рассветает
Заря, уж красками играет,
Пора с тобой мне расставаться,
Давай, раб, будем обниматься».

Я подошел, и мы обнялись,
Три раза в щеки целовались,
Меня Святой перекрестил,
Челом ему я низко бил.

Наш Млечный путь вдруг разорвался,
Он вверх пошел, а я остался,
Святого взглядом провожаю,
Был разговор, переживаю.

Недолго вслед смотрел Святому,
Во сне иду к родному дому,
Родное вижу я крыльцо,
Весенний свет мне бьет в лицо.

* * *

Глаза открыл, в окне рассвет,
Будильник мне кричит: «Привет!»
С постели быстро поднимаюсь,
Бегу и в ванной умываюсь.

Мой завтрак с ночи на плите,
Записка – это, сын, тебе,
Еду свою разогреваю,
И с чаем, хлебом уплетаю.

Моя семья ещё вся спит,
Обняв подушку, брат сопит.
Моя работа. Рано встать!
И в типографию бежать.

Я завтрак быстро доедаю,
Посуду мою, вытираю,
Прическу в ванной уложил,
В метро на поезд поспешил.

При входе гривенник меняю,
Два пятака в звон получаю,
Один бросаю в турникет,
Иду вперед, проблемы нет.

К платформе поезд подкатил,
К нему бегом я поспешил,
Народу утром не так много,
Все смотрят друг на друга строго.

У каждого свои проблемы,
Кому-то прок, кому дилеммы,
Кому-то чай и торт на блюде,
Кому-то хрен в пустой посуде.

Есть люди, выпили вчера,
Их голова болит с утра,
Есть, книжки по ночам читают,
В вагоне утром засыпают.

В ладони также я зеваю,
Немного есть, недосыпаю,
Наступит скоро выходной,
Я досмотрю свой сон ночной.

А в целом наш народ трудяга,
В любой семье есть работяга,
Страна героев примечает,
В Кремле на праздник награждает.

У нас не цех, доска почета,
Коллеги высшего полета,
У всех медали, ордена,
Вручили им за их дела.

Спасибо Богу я сказал,
За то, что в этот цех попал,
У всех коллег я на виду,
Свой коллектив не подведу.

К Арбатской поезд подкатил,
К дверям я быстро поспешил,
Мне по проулкам пять минут,
На проходной я тут как тут.

А на работе есть рутина,
Моя кормилица-машина,
Я с ней при встрече обнимаюсь,
Иду домой и с ней прощаюсь.

Печатаю сегодня в радость,
Труд Ильича, такая гадость,
Все на вьетнамском языке,

Приходит к ним он в каждом сне.

Абрамыч, вижу, суетится,
Ему в конторе не сидится,
Опять задумал он крамолу,
Мне, интересно, иль другому?

Я сделал вид, не замечаю,
Сижу, задание изучаю,
А глаз косит в его сторонку,
Да, видно мерзкую душонку.

Внутри, как видно, все кипит,
Разряд мой он мне не простит,
Ошибки будет собирать,
Начальству кляузы писать.

Сосед, коллега, мне кричит:
«Опять копает мерзкий сыч,
Я думаю, что он дождется,
К врачу пойти ему придется».

«Да ладно, – говорю соседу, —
Ему к врачу, так к логопеду,
Чтоб букву „Р“ он пригасил,
Рычит Абрамыч, нет уж сил».

Сосед смеется во весь рот:
«В семье же должен быть урод,

Иначе скучно будет жить,
Мы станем без него тужить».

В стране у нас всегда прогресс,
У нас в печати свой процесс,
Семьсот листов, как на приемке,
Я вижу образ комсомолки.

Грудь, как всегда, колени бьет,
Идет, как будто сталь кует,
Абрамыч карандашик точит,
Он кляузы все время строчит.

Я сделал вид, не замечаю,
С приемки лист жду и снимаю,
Смотрю на оттиск, на марашки,
Строчит Абрамыч по бумажке.

Вся типография в огне,
Она опять пришла ко мне,
Глазами мило улыбнулась,
И вновь чуть носом не споткнулась.

Абрамыч со всех ног спешит,
Под руку взял её, дрожит:
«Споткнулись вы, могли упасть,
Нам не нужна хромая власть».

Она: «Спасибо, кавалер,

Вы им в цеху всем как пример,
Не то, что эта молодежь,
Не дай Бог рядом упадешь».

Абрамыч взгляд свой ей на грудь,
Глаза не может отвернуть,
Достоинством своим трясет,
Абрамыч вот-вот упадет.

И кто кого ведет, не знаю,
Куда идут, я не гадаю,
Абрамыч ей, как доброволец,
Один в цеху не комсомолец.

Ко мне та пара подошла:
«Ну, здравствуй, я к тебе пришла,
С ухабами была дорога», —
И матернулась, так, для слога.

Я ей послал тогда в карьер:
«У вас Абрамыч кавалер,
Он вас на руки может взять,
И крепко-накрепко обнять.

Вы посмотрите, каков парень,
Не руки, а булыжник, камень,
Он вас поднимет, как пушинку,
Проложит в отчий дом тропинку.

Ваш он завидит силуэт,
В цеху рождается дуэт,
Абрамыч голосом сопрано,
Поет, как форте, так и пьяно.

Где вам такого еще взять,
Наш цех готов его отдать,
Да, не простая вы затея,
Наш цех ждет скромная потеря.

Но мы все стройными рядами,
Абрамыч, как всегда, за нами,
Любую стену он пройдет,
Любовь свою он в вас найдет».

Абрамыч тут при всех расплылся,
В лице своем переменялся,
А взглядом сверлит её грудь,
Дыханье сперло, не вздохнуть.

От слов моих он озарился,
Улыбкой на лице умылся,
Готов он здесь пуститься в пляс,
Абрамыч – цеховой паяц.

Коллеги все мои смеются,
В цеху аплодисменты льются,
Абрамыч знатный карьерист,
Для нас сегодня он артист.

Грудь комсомолки напоказ
Ввела Абрамыча в экстаз,
Не может взять запретный плод,
От нас он вдохновение ждет.

Тут комсомолка разошлась:
«Я, что вам моды здесь показ,
Или туземка погремушка,
Я лидер здесь, а не игрушка.

Меня должны вы уважать,
Встречать и чинно провожать,
Вести со мною разговоры,
Платить партийные поборы.

Я обо всех должна все знать,
Мне нужно истину узнать,
Кто с нашей партией, кто нет,
Вопрос поставлен, где ответ?»

Народ наш начал расходиться,
Зачем пред нею суетиться,
Абрамыч все к ней пристаёт,
Она его с ума сведет.

Я сделал вид, не замечаю,
На тог вопрос не отвечаю,
Абрамыч на ухо ей в шепот,

А я им обеспечил грохот.

Она удав, гюрза, змея,
Все взглядом смотрит на меня,
Абрамыч тоже тот змееныш,
Ужом весь вьется, как гаденыш.

Один ей на уши плетень,
Она мне свои формы, тень,
Один ей сплетни и доносы,
Она мне каждый день вопросы:

«Когда вольешься ты в ряды?
У нас один лишь с Богом ты,
Я здесь пороги обиваю,
К уму его все призываю.

Давно уже пора понять,
Что партия родная мать,
А комсомол её ребенок,
В него стремимся мы с пеленок.

У нас в цеху беда, крамола,
Один юнец без комсомола,
Ты „Слава Богу“ все кричишь,
Ты партию совсем не чтишь.

Нам партия родная мать,
Как утром без неё нам встать,

Прожить не сможем белым днем,
В постель мы ляжем, не уснем.

Детей мы с партией рожаем,
Затем в детсад их отправляем,
И в школе партии звонок,
Ведет на первый наш урок.

У нас партийные позывы,
На БАМ, военные призывы,
Отряд студентов удалой,
Клич – партия наш рулевой!

У нас сейчас в стране бравата,
В страну идет Олимпиада,
Сегодня всем нам не до сна,
Есть партия, она одна.

Нам нужно комплексы отстроить,
Народ на праздник весь настроить,
Всем нужно здравицы кричать,
И вспоминать родную мать.

Один лишь ты у нас тревожный,
В народе просто не серьезный,
Не хочешь в комсомол вступить,
Стране не хочешь помогать».

Абрамыч рядом веселится,

В руках его сейчас синица,
Он ей кивает, одобряет,
Сам о другом в мозгах мечтает.

Она стоит, его отрада,
Грудь комсомолки, как награда,
Бойтся, к ней он прикоснется,
А завтра утром не проснется.

Я на машине за приемкой,
Абрамыч рядом с комсомолкой,
Рулады пары не стерпел,
Мозг в голове моей кипел:

«Кто жизнь вам в этом мире дал?
Наверно Маркса „Капитал“?
Наверно Ленин вас зачал?
А Троцкий в церкви вас венчал?

Сродни вас партия пригрела,
Вам песни в колыбели пела,
Вихри враждебные, воют над вами,
В бой роковой вы вступили с врагами.

Скажите, кто у вас враги?
Те, у кого свои мозги,
Те люди, кто сегодня верит в Бога,
Те, у кого своя дорога.

Враги у нас, кто воевал,
Страну от немцев защищал,
Враги закончили войну,
Отстроили затем страну.

Враги отстроили заводы,
Вспахали пашни, огороды,
Все проложили магистрали,
А вы себе на грудь медали.

В больницах лечат нас враги,
А в школах учат упыри,
На страже Родины стоят,
Врагов бесчисленный отряд.

В глазах я ваших также враг,
Безродный, просто так, варяг,
В моем кармане есть просвет,
В нем не лежит ваш партбилет.

Отец мой также был врагом,
Из танка в немцев бил огнем,
И мать врагом в народе слыла,
Подранков в госпиталь носила.

Пиджак врага в шкафу повешен,
Весь орденами он увешен,
В войну он был простым танкистом,
Для вас врагом, не коммунистом.

Устроили мне здесь театр,
А мама, враг ваш, педиатр,
Детей в больнице исцеляет,
Душой своей всех согревает.

Когда в семье больные дети,
Вы проклянете все на свете,
Болеет детский организм,
Где детский доктор „коммунизм“?

Вон грудь твоя вся нараспашку,
Абрамыч смотрит под рубашку,
Бойтся только прикоснуться,
От счастья утром не проснуться.

Ильич заметит его страсть,
Абрамыч может здесь упасть,
Прической кафель он поправит,
И Богу весточку отправит.

Так кто же здесь в цеху наш враг,
Абрамыч, нет – с родства варяг,
Грудь лидера его смутила,
Смотри беднягу как скрутила.

Его всего заморозило,
И грудь врага мозги пробила,
Он видит партии оплот,

Здесь рядом, но запретный плод.

Зачем сюда вас занесло,
Абрамыч для меня трепло,
Вы здесь мешаете процессу,
Ильич печатается в прессу».

«Да кто посмел и как могли,
В цеху здесь лишние мозги,
Тебе доверить труд такой,
Кто здесь не дружит с головой?» —

Кричит грудастая солистка,
В цеху у нас она артистка.
«Для партии тот злейший враг, —
Кричит она машине в такт, —

Того врага сейчас найдем,
К ответу быстро призовем,
Лишится премии квартальной,
Он мышью станет аморальной.

Ему поставим мы на вид,
Для всех трудяг он паразит,
Мы в должности его понизим,
Прилюдно, здесь в цеху, унизим.

Мы партсобрание соберем,
Врага к порядку призовем,

Запомнит промах свой надолго,
Работать будут здесь недолго.

Да, надо ж так рубить с плеча,
Доверить речи Ильича,
Кому! тебе! не комсомольцу!
Парнишке, просто добровольцу!»

Абрамыч вышел из экстаза,
Убрал он руку с её таза,
Смотрю, он медленно рычит,
Прорвало, он теперь кричит:

«Вы как посмели сомневаться,
Да кто осилит с ним равняться,
В руках его огонь горит,
Не парень он, а монолит.

Разряд ему достойный дали
И передовиком назвали,
Он слов на ветер не бросает,
И звезды с небо не хватает.

Ему в цеху все доверяют,
Приходит утром, обнимают,
Он постоянно весь в работе,
Не то, что ты в своем полете.

Не любит парень суеты,

Он с нашей техникой на ты,
Ему бы я печатать дал,
Любимый Маркса „Капитал“.

Его директор уважает,
При встрече руку пожимает,
А самый главный инженер,
Всем ставит нам его в пример.

Здесь речи пылкие звучали,
Вы молодежь врагом назвали,
А это нужно доказать,
Не нужно парня обижать.

Вопрос поставлю на парткоме,
Порядок пусть пребудет в доме,
Скажи мне, как ты проживешь,
Любить нам нужно молодежь.

Мы пол Союза обойдем,
Такие кадры не найдем,
А вы ему грудь нараспашку,
Не смотрит он к вам под рубашку».

А я в работе весь, но слышу,
Абрамыч злится, сносит крышу,
Своей рукой он подписал,
Мне Ильича в работу дал.

Он на ответственность давил,
Меня совсем не удивил,
Ждал наш Абрамыч, ошибусь,
В поту холодном я проснусь.

А он к начальству на поклон,
Пойдет трезвон со всех сторон,
Мне наказание, понижение,
Ему по службе продвижение.

Выходит, я меж двух огней,
Мне нужно выбраться скорей,
Столкнуть двух паразитов лбами,
Пускай врагами станут сами.

Я ей: «Абрамыч подписал,
Он мне работу эту дал,
Здесь дифирамбы мне поет,
А сам ошибки моей ждет.

Над Горьким можно ошибиться,
Над Маяковским чуть зашиться,
Но ошибиться над вождями,
Прибьют к кресту тебя гвоздями.

Он спит и ждет моей ошибки,
А я ему в ответ улыбки:
„Гляди, Абрамыч, не проснешься,
Моей ошибкой захлебнешься“.

Так сделай вывод, комсомолка,
Украсит грудь твою марлевка,
Абрамыч все глаза сломал,
Смотри, пойдет на криминал.

Вы о врагах своих твердите,
Что вы добиться тем хотите,
Один в цеху за мной следит,
Другая ходит, мне хамит.

Мол, в комсомол ты не вступаешь,
Нам показатель занижаешь,
У вас ко мне одно стремление,
Мое вам нужно заявление.

Сегодня в кадры я пройдусь,
Пред дверью встану, помолюсь,
Там напишу я заявление,
У вас пусть будет облегчение.

Пойду в „Науку“ я работать,
Там так же можно заработать,
Мне не придется прятать глаз,
О, праздник! я забуду вас.

Там нет людей с таким заносом,
Там грудью не трясут пред носом,
И мастеров таких там нет,

Абрамыч в твой припев, куплет.

Ну, все, давайте расходиться,
Начальство вон ко мне стремится»,
«Нет, нет, постойте, подождите,
О чем молва, мне расскажите».

Начальник басом им заметку,
Абрамыч сел на табуретку,
«Мне срочно поступил сигнал,
В цех вы несете криминал.

Вы что к нему все пристаёте,
В свой комсомол его зовете,
Вы посмотрите на свой вид,
Совсем уж потеряли стыд.

В публичный дом вам бы комсоргом,
В нем пол и связь с большим парторгом,
Мужчин пришедших раздевают,
Всех комсомолки принимают.

А ты, Абрамыч, ей здесь в пару,
Даете здесь в цеху вы жару,
Должны вы молодежь любить,
А вам бы руки им отбить.

За всем, за этим наблюдаем,
Давно поймать тебя желаем,

У всех людей свое терпение,
Как лопнет, будет ускорение.

Твоя работа помогать,
Ошибки быстро исправлять,
А ты своей гнилой душонкой,
Связался с этой комсомолкой.

Вы, дама, сняли бы значок,
Вождь в нем в томате, как бычок,
Он грудью вашей весь помят,
Глаза от этого грустят.

Одна стоит, другой сидит,
У вас плачевный вижу вид,
В работе парня вы помеха,
Балласт для цеха и прореха.

Я вам скажу без дурака,
Вы в нем увидели врага,
Идеи лишь у вас в мозгах,
А парень с детства в мастерах.

Его вам стержень не сломать,
Лишь зубы можно обломать,
Да, он крещенный, верит в Бога,
У каждого своя дорога.

Нет человека на Земле

Без Бога в собственной душе,
Когда вы что-то натворите:
„Прости нас Бог“, вы говорите.

Когда вы сильно заболели,
Вы оду Господу пропели:
„Ты исцели меня, родной,
Я болен сильно головой“.

Когда с родней беда случится,
В дом залетит шальная птица,
Бежите в Храм вы свечки ставить,
Бог может только все поправить.

Не приведи Господь, скончался,
Родной ваш с Богом повстречался,
Где отпевать его собрались?
Наверно там, где вы венчались.

Вам Бог детей дал народить,
Скажите, где вам их крестить,
В райком пойдете комсомола?
Или к стенам Святым Собора?

Там, на том свете, нет партийных,
Там нет послушных и строптивых,
Придаток к телу там душа,
Получит все свое сполна.

Идите с Богом и творите,
К нему сюда не подходите,
Управа и на вас найдется,
Без вас с работой разберется».

Пошла, покачиваясь, пара,
Как после жуткого пожара,
Мечтали, все сойдет им с рук,
А здесь звонок к ним в дверь и стук.

Взорвался цех, аплодисменты,
Визит разобран на фрагменты,
Со всех машин мне взмах руками,
Я им в ответ кричу: «Я с вами».

Ко мне начальник подошел,
Машину взглядом обошел:
«Тебя ругать сейчас я стану,
Ты терпишь эту обезьяну,

Ты посмотри, она верзила,
Абрамыч рядом с ней, горилла,
Грудь оголила в зоопарке,
Ей срочно нужно к той доярке.

Мы встанем за тебя стеной,
В цеху ты самый молодой,
Тебя в обиду не дадим,
Мы коллективом победим.

Ко мне ты должен подходить,
На них не нужно доносить,
Мне нужно знать, когда идут,
Возьмусь тогда за свой я кнут.

Я отхожу их по спине,
Тебя увидят лишь во сне,
С волками жить, по волчьи выть,
Их нужно один раз побить.

Кинь кусок мяса вороню,
Увидишь в них тогда свинью,
Увидишь подлость и подвох,
Услышишь и последний вздох.

Есть у свиньи свое корыто,
Их рыло грязью все умыто,
Не приведи Господь, умоют,
Заблеют твари и завоют.

Они болеют головой,
В тебе есть Бог и он Святой,
У них звериные повадки,
К таланту у тебя задатки.

Да, у тебя разряд высокий,
У них есть сон, он не глубокий,
Спать не дает твоя зарплата,

Тебе все в плюс, у них утрата.

У нас народ перекрестился,
Когда в цеху ты появился,
И ты ни в чем нас не подводишь,
Одну с ума, комсоргаводишь.

Ты на неё совсем не смотришь,
Её ты стороной обходишь,
Она тебе грудь нараспашку,
А ты свой нос в свою рубашку.

За ней давно мы замечали,
Ей чужды Русские морали,
Абрамыч в роли примака,
Комсоргу нужно мужика.

В душе её Святого нет,
Есть грудь, а между, партбилет,
Ей не дано с людьми дружить,
Ох, трудно будет с кем-то жить.

Да, что-то здесь я распинаюсь,
Жизнь в твою голову вложить стараюсь,
Ты парень умный и простой,
Задел есть с детства трудовой.

А то, что Бог всегда с тобой,
Я только за, он наш Святой,

В рождение выйдем из чертога,
Умрем и вновь в руках у Бога.

Он позволяет нам прожить,
Россию-матушку любить,
В ней засыпать и просыпаться,
Ни перед кем не унижаться.

У каждого проложен путь,
Ни влево, вправо не свернуть,
Назад дороги так же нет,
Ступай туда, где белый свет.

К нему идешь, а он все дальше,
Жизнь нужно честно жить, без фальши,
Когда её ты проживешь,
Свой свет в руках ты понесешь.

Осветит он твоих детей,
Сестер, братьев, их матерей,
Он в них волеет твою частицу,
Осветит в доме всю водицу.

Осветит полностью и дом,
Осветит двери, окна в нём,
На свет родные все пойдут,
И в Храме светлом помянут.

Там теплый свет идет от свечки,

Дым собирается в колечки,
Затем над вами он летает,
Святых людей напоминает.

У каждого в глазах свой свет,
Идем к нему мы много лет,
Дошли, в пути своем устали,
Вам сверху – отдохни, сказали.

Мы отдыхать в тот свет уйдем,
В рай или в ад мы попадем,
Всем по заслугам воздадут,
Кому-то мед, кому-то кнут.

Да, что-то я разговорился,
Обед на голову свалился,
Затем собрание проведем,
В цеху достойных изберем.

Тебя в цеху все уважают,

Здоровья, счастья все желают,

А эти двое отщепенцев

Пусть фильмы смотрят про индейцев».

Поклон начальнику отбил,
Спасибо, нас он обучил,

Как в жизни нашей разобраться,
На что плевать, а с чем сражаться.

* * *

Машину я остановил,
Интригой мозг он мой пробил,
В цеху достойных выбирают,
А что им дальше предлагают.

Машину, «Жигули» в рассрочку,
А может новую сорочку,
Поехать к морю отдыхать,
Статью в газете написать.

А может в партию вступить,
Медаль на лацкан получить,
Даст Бог, мы премию получим,
Да, надо быть тогда везучим.

Мне партия – хомут на шею,
Медалью, славой не болею,
А деньги мне не помешают,
Мозги мои уже мечтают.

Обед в столовой завершаю,
Стол за собою убираю,

Отнес посуду я на мойку,
Салфетки, крошки на помойку.

Иду украдкой к себе в цех,
Нет на пути моем помех,
Мне грудь никто не подставляет,
Меня к сознанию не толкает.

Двойную дверь я раскрываю,
В цех захожу, чуть-чуть зеваю,
Коллеги руководство ждут,
Ну, слава Богу, все идут.

Едем по улице все в клуб,
Там совещание проведут,
Всем скажут кто из нас достойный,
Кому сей саммит посвященный.

По одному все в клуб заходят,
Места свои в рядах находят,
На сцене длинный стол стоит,
До пола кумачом накрыт.

Поднос, графин, стакан пустой,
На том столе стоят красой,
Портрет под занавес висит,
Ильич на всех с него косит.

Начальник с краю разместился,

Абрамыч рядом появился,
Здесь без него не обойдешься,
С ума скорей всего свихнешься.

Абрамыч в зал улыбкой светит,
В достойные от цеха метит,
Его коллега подбивает,
Достойней просто не бывает.

Абрамыч в зале здесь расплылся:
«Я в вузе десять лет учился»,
Я на начальника смотрю:
«Пригрел на шее я змею».

Под нос он тихо говорит,
Нутро, я вижу, все кипит,
Во всю Абрамыч разошелся:
«За качество всю жизнь боролся,

Нет книг вождей у нас с ошибкой!» —
Кричит он в зал, в лице с улыбкой —
Я молодым стелю дорогу,
Идут за мною нога в ногу.

Хохмач нашелся в нашем зале,
Кричит он лозунги в запале:
«В цеху Абрамыч рулевой,
Всем правит твердою рукой.

Его пора на повышение,
Заводом нужно в управление,
Там замахнется он на пост»,
Продолжил я: «Что на погост».

Тут по рядам раздался смех,
Сказал лишь слово, но успех,
Хохмач продолжил восхвалять:
«Абрамыч наша плоть и стать».

Цех без него осиротеет,
Начальство ваше побледнеет,
Там, где Абрамыч, там успех»,
«Лицом в дерьмо упасть при всех».

Продолжил я из зала фразу:
«Он превратил себя в заразу,
Для всех он нас, как банный лист,
Идет по цеху, слышен свист».

Зал снова весь развеселился,
Абрамыч в серость превратился,
Он мышью задом сел на стул,
И через пять минут заснул.

Зал погрузился весь в овации,
Ждем с нетерпением кульминации,
Всем хохмачам дают отмену,
Директор вышел наш на сцену.

Он занял место за столом,
Удар, не сильно, кулаком,
Зал замер, видя предвкушение,
Своё он начал выступление:

«Я помню, как мы воевали,
Нас убивали, мы вставали,
Я помню, немцы наступали,
Мы, как один, за всех стояли.

Команды помню полководцев,
Призывы юных добровольцев,
Я пушек помню все раскаты,
Родных – покинули пенаты...

Фашистов под Москвой разбили,
Пожары в деревнях тушили,
Я помню битву, Сталинград,
Теперь тот город – Волгоград.

Я помню, как вошли в Берлин,
Рейхстаг я помню, флаг над ним,
Фашисты с грязными ногами
Шли все с поднятыми руками.

Салют я помню в честь Победы,
Я помню скромные обеды,
Мы пили за бойцов погибших,

За жен, детей о них скорбивших.

Мы пленных немцев домой гнали,
В них не стреляли, помогали,
Мы Русь свою от них спасли,
Крест свой по жизни пронесли».

Я вдруг здесь в зале покачулся,
Абрамыч, я смотрю, проснулся,
Я речи стольной не пойму,
Какой он Крест имел ввиду.

Я речь ту слушать продолжал,
Меня директор поражал:
«Как мир у немцев весь отбили,
Домой к себе мы поспешили,

Родные дома нас встречали,
Всех пирогами угощали,
Но есть беда, нам всем в защиту,
Пришли к разбитому корыту.

Мы рукава все засучили,
Союз мы весь восстановили,
Заводы, фабрики, поля,
Всё начинали мы с нуля.

Мы ситуацию все знали,
Ночами мы тогда не спали,

Страну нам нужно возводить,
Народ свой нужно накормить.

Кто немцев нам разбить помог?
Кто от Москвы изгнать их смог?
Кто нам дал праздновать Победу?
Кто куличи нам дал к обеду?

С кем мы убитых провожали,
Бойцов с кем юных принимали,
В атаку шли, кого просили,
Родные нас за все простили?

Мы к краю жизни подходили,
Один лишь шаг – и мы в могиле,
Кто отводил от нас беду?
Я слышу плач в родном саду.

Врага мы беспощадно били,
Мы Русь свою освободили,
В атаку шли, кого просили?
В бою, чтоб завтра не пленили?

На лацкане моем Кутузов,
В войне он лихо бил французов,
Тогда ему кто помогал?
Святого лик ему кто дал?»

Не выдержал я, слово взял:

«На нервах я сидел, молчал,
Я Вас своим окинул взглядом,
А Вы все около и рядом.

БОГ – вот создание всему,
Фашистов победил в войну,
С Ним бились с немцами отцы,
С Ним погибали все бойцы.

В атаку шли, бойцы крестились,
Кто жив остался, те молились,
Кто был убит в краю родном,
Бог наш заботился о нем.

Есть Бог и есть Святая Мать,
В России нашей благодать,
Земля есть, Святостью покрыта,
Для всех вояк она закрыта.

На землю ту кто посягнет,
Больным на Родину уйдет,
А если убежать не сможет,
То в смерти Бог ему поможет.

Мы здесь сидим, напротив Храма,
Святой Филипп нас ждет всех там,
Пора пойти в тот Храм, признаться,
Давно пора нам всем спастись.

Зачем скрывать, что мы от Бога,
Нам всем проложена дорога,
Господь нас всех благословил,
Россию Русским подарил.

Границы Бог России дал,
Чертой закон он тот назвал,
Кто шаг за ту черту пройдет,
Да, жаль его, но он умрет.

Россию Бог нам подарил,
Её при всех благословил,
Святая Мать нас всех рожала,
Умрем, она нас провожала.

Отец мой не был коммунистом,
Он был в рядах простым танкистом,
Но с Богом он не расставался,
В живых поэтому остался.

Героем стал он той войны,
Отрекся он от сатаны,
Пошел он по стопам отца,
И принял Бога Мудреца.

С небес спустился к нам Мессия,
Иисус Христос и есть Россия, З
емлицей Русь наделена,
Святая Мать нас родила.

Она все роды принимала,
Всех Православных обнимала,
Бог Святость голове придал,
Он русский цвет породе дал.

Должны мы все себе признаться,
Есть Бог, с ним нужно просыпаться,
С ним путь должны мы свой пройти,
Чтоб в смерти жизнь опять найти».

Понять нас можно, мы боимся,
Мы тайно ото всех крестимся,
Работу здесь нельзя терять,
Зачем нам Бога вспоминать?

Директор мудро поступил,
Он быстро тему ту сменил:
«Достойных нужно выбирать,
Цеха, давайте предлагать».

Наборный цех дал кандидата,
Цех линотипный два фаната,
Цех переплетный комсомолку,
Закрыла хоть свою душонку.

Директора перекосило,
Он рот открыл, Его взбесило:
«У вас есть парень, два формата,

А в теле силищи палата,

Работает у нас, как бык,
Оплата также за троих.
Зачем нам делать зал слепым,
Мы своим кадром дорожим».

Абрамыч встал и заступился:
«Я вам баран, что с гор спустился?
Меня малой тот отчитал,
Затем начальник отругал,

Вот наша совесть комсомола,
Ведет работу бес крамола,
Идем мы стройными рядами,
За партию двумя руками.

Она нас в партию ведет,
А это наш девиз, оплот,
У нас есть люди, что с речами,
На шее носят нить с Крестами.

Должны к ответу их привлечь,
А нам здесь камерную речь,
Поют рулады на весь цех
И хают комсомол при всех.

У нас достойный только тот,
Кто тянет наш партийный плот,

Кто в партию вступить мечтает,
Политбюро благословляет.

Какие нам нужны морали,
Мы в партию вступить мечтали,
За ней народ бегом бежит,
Она наш верный сталактит.

Один в цеху не поддается,
Над ней он искренне смеется,
Где словом грязненьким подденет,
То грудь её своей заденет».

Абрамыч речи в зал кричал,
Наш шеф в тетрадку помечал,
Затем спросил он невзначай:
«Ты что тут лепишь, разгильдяй?

С собрания темой вы знакомы,
Или у вас везде парткомы,
Вам комсомолку зацепить,
Свой глаз на грудь ей положить.

Вы за неё не беспокойтесь,
А лучше разом успокойтесь,
Она от нас уйдет в горьком,
Заметил грудь её обком».

В секунду наш Абрамыч сник,

На кресло сел и тут же стих,
Прошла по залу комсомолка,
Открыла грудь свою, креолка.

Директор дальше продолжает,
Достойных дальше выбирают,
Дошла молва и до меня,
Кандидатура лишь одна.

Директор дальше продолжает:
«Двойной оклад всем обещает,
Кто её мирно проведет?
Олимпиада к нам идет.

Вы, парни, честно отслужили,
Награды не одни нажили,
У нас сегодня здесь осадок,
Где спорт, там должен быть порядок.

Я вас всех в зале здесь собрал,
Зачем мне нужен ссор, скандал,
А тут Абрамыч, наш доносчик,
Устроил нам междусобойчик.

Да, может маслица в огонь
Подлить туда, где любят рознь,
Но нас подвохом не сломить,
И стержень Русский не скривить.

Давайте, парни, ближе к делу,
Получим завтра по уделу,
Кто в штанги зал, а кто в бассейн,
Футбол людьми всегда усеян,

Гимнасток зал всегда манит,
У нас гимнастки – монолит,
Есть у спортсменов патронташ,
Тир для стрельбы – он так же наш.

Следить там за порядком будем,
Афганистан мы не забудем,
У нас от спорта изоляция,
Зачем нужна нам провокация?

По пять всем дали стадионов,
Работать будем без патронов,
Милиция вас всех прикроет,
Коль вас злодей какой накроет.

Для вас задача не простая,
Сказать так просто – боевая:
Следить за нашими гостями,
От взрывов не сверкать костями.

Я знаю, мы того добьемся,
Домой живым всегда вернемся,
Врагу спины мы не подставим,
Бежать его от нас заставим.

Нет, чтобы не было сомнения,
Двойное будет поощрение,
Когда пройдет наш праздник спорта,
Не миновать вам всем курорта.

У вас все будет, как мгновение,
За всё оплатит заведение,
Мы лучших даже наградим,
Сегодня здесь все утвердим».

Я первый крикнул: «Да, пойдем,
В бою мы вас не подведем»,
Все остальные молвят: «Есть,
Отец родной, нам всем за честь».

Абрамыч встал, ретировался,
От зависти он обплевался,
Его достойным не признали,
А комсомолке должность дали.

Объекты как делить мы станем?
На пальцах может посчитаем,
Да, согласились все ребята,
За все у нас одна оплата.

Бассейн мне тогда достался,
Его объем не испугался,
С восьмью работаем утра

И до вечернего звонка.

Вода всегда меня пленила,
Зайдешь, в тебе проснется сила,
Затем версту ты проплывешь,
Как будто заново живешь.

Директор: «Завтра на объекты,
Все просмотрите там моменты,
С собой возьмете документы,
Запомнить слабые фрагменты.

Вы там пройдете инструктаж,
Глазами сделайте вояж,
Вас там работники приметят,
На все вопросы вам ответят.

Нельзя лицом ударить в грязь,
Со мной всегда держите связь,
Надежда будет всегда с нами,
И лучшими мы станем с вами.

Сам Генеральный секретарь
Подпишет спорта календарь,
А это честь вам и дорога,
К вам выйдут, встретят у порога.

Пред вами двери все откроют,
Учиться в институт устроят,

Преград не будет на работу,
Талоны в ресторан в субботу.

Вас в КГБ возьмут служить,
Там вами будут дорожить,
И двери МВД откроют,
Там честью, славой вас покроют.

А здесь за нас не беспокойтесь,
Водой холодной умойтесь,
Нигде в беде мы вас не бросим,
А кто обидит, с тех мы спросим.

Я, братцы, вас не подведу,
Давайте всех вас обниму,
Ждать лично каждого я буду,
О нашей встрече не забуду».

Мы подошли и все обнялись,
Три раза в щеки целовались:
«Вас никогда не подведем,
Идем мы все одним путем».

Ко мне отдельно пошел:
«Сам Бог для нас тебя нашел,
Тебе всего лишь двадцать лет,
А ты, каков вон, спасу нет,

Хорош, работы не боится,

В твоих руках давно синица,
Как будто книжку ты читаешь,
Любую неисправность знаешь.

Ты Крест несешь свой на груди,
За Бога нас ты всех прости,
Нас некрещеными встречают,
Без Храмов также провожают,

Затем заочно отпеваем,
Что это нам дает, не знаем,
Как можно к Богу вверх идти?
И Крест земной свой не нести.

Там без Креста не принимают,
Назад, в могилу отправляют,
Там тело брренное гниет,
Душе покоя не даст».

Вступаю с шефом в разговор:
«На вашей шее есть затвор,
Щеколду сами вы закрыли,
К себе Святого не пустили.

Дверь вы откройте, рядом Храм,
Святой Филипп народ ждет там,
Зайти вам нужно, поклониться,
Глядишь, затвор сам отворится.

Он шею вам освободит,
Мозги в порядке разместит,
Вдохнете запах вы свечей,
И жизнь покажется светлей.

Бабули свечки вам дадут,
Куда поставить, пальцем ткнут,
Свечу о свечку вы зажжете,
И сразу в жизни все поймете.

Вы выбрали свой славный миг,
Вы обогрели Святой Лик,
С иконы он вас озарит,
Душа у Бога, говорит.

Затем вы Крест Ему отбили,
Пред Ним головушку склонили,
Его о чем-то попросили,
Он выполнить пока не в силе.

Креста на вашей шее нет,
А это – главный амулет,
На праздник нужно вам креститься,
Повесить Крест и помолиться.

Вам двери в Храмы распахнутся,
Чужие люди улыбнутся,
Поклоны вам, как уважение,
Не будет больше прегрешения.

Святой водицы омовение,
Холодной свежести мгновение.
Колени на пол встанут сами,
Иисус молиться будет с вами.

Все в Храме станете вы братья,
Обниметесь здесь у Распятъя,
Алтарь пред вами отворится,
Начнут все с батюшкой молится.

Из алтаря с Крестом он выйдет,
Крещеного в толпе завидит,
На кафедру затем взойдет,
Молитву чинно пропоет.

Все подпевать ему начнут,
Учить молитву славный труд,
Затем просwirки разнесут,
Кагор нальют и поднесут.

Все по глоточку к причащению,
К всеобщему сказать прощению,
Просwirкой тот кагор закусят,
Грехи твои под Крест опустят.

Вас в Храме, в этот день, крестили,
Водой Святой под хор облили,
Теперь вы Божий, вы Крещеный,

Святой душой вы одаренный».

«Мне в душу твой наказ запал, —
Директор мне тогда сказал. —
Прибудет праздник воскресенье,
Приму в том Храме я крещение.

Сейчас давайте по домам,
Семья с поклоном ждет вас там,
Давайте, двери открывайте,
Привет своим передавайте».

* * *

И вот я вышел на Арбат,
Здесь я родился, он мне брат,
К метро «Смоленской» подошел,
Весна, я вновь себя нашел.

Арбат весь зеленью завит,
В кустах соловушка свистит,
Вахтангов двери распахнул,
Народ Москвы туда рванул.

Театр всей Москве известный,
Туристам просто он прелестный,
Билет в него, чтоб заказать,

Всю ночь придется простоять.

Листы ложатся на дорожку,
Стихи там льются под гармошку,
А рядом скрипочка поет,
Скрипач привычно денег ждет.

Там танцы, шутки, прибаутки,
Концерт идет почти что сутки,
Гитар там слышен перезвон,
Кларнет поет им в унисон.

Приезжих там полно туристов,
Отбоя нет и от таксистов,
Народ, как могут, зазывают,
По всей Москве затем катают.

В витринах куча сувениров,
Арбат магнит для магазинов,
С лотков купцы на шаг торгуют,
Детишки ряжены танцуют.

Арбатский чинный диалект,
Звучит для всех, на весь проспект,
С купеческой идет Москвы,
Я с ним с рождение на ты.

Там аура совсем другая,
Арбатская, нет, не земная,

Однажды на Арбат зайдешь,
До самой ночи не уйдешь.

Под вечер там поют частушки,
Студентки в платьях, хохотушки,
Ребята скромно подпевают,
Уйти с девушками мечтают.

Когда стемнеет, танцплощадка,
Ансамбль для ребят загадка,
Там степ, там реп и просто твист,
Со всех сторон ребячий свист.

А продавцы все колядуют,
И день, и ночь они торгуют,
В их головах одна кровать,
Под утро только лягут спать.

Кто не успел домой попасть,
На лавке разместился спать,
Подушка есть под головой,
Она у них всегда с собой.

Поют там барды под гитары,
Какой Арбат без Окуджавы,
Почетный житель он Арбата,
Аккорд звучит, его баллада.

Дошел Арбатом до метро,

На улице пока светло,
День теплый в лето перешел,
В подземку я, в метро пошел.

Решил поехать я к Марату,
К Армянскому, сказать так, брату,
Есть у меня к нему забота,
Спросить, как жизнь и как работа.

В кафе Марат обосновался,
К нему ещё я не добрался,
Решил с ним вместе пообедать,
Там пищу новую отведать.

Кафе «Фили» – стою, люблюсь,
Как мне пройти, интересуюсь,
Кому и что мне здесь сказать,
Марата как мне разыскать.

На входе пост, милиционер,
Всем посетителям пример,
В кафе меня он пропускает,
Швейцар в фойе меня встречает:

«Куда путь держим, молодежь?
Зачем ты к нам сюда идешь?
В бар рюмку выпить, поплясать,
Билетик нужно срочно взять».

«А сколько стоит ваш билет?»
Спросил швейцара я в ответ.
«Так три рубля и вот билет,
Им вы оплатите обед».

Купил я молча тот билет,
Пошел к Марату на обед,
Я к стойке бара подошел,
Марат куда-то отошел.

Сел в кресло, интерьер смотрю,
В душе себя слегка корю,
Зачем купил сюда билет?
Есть дом, а там вкусней обед.

Но в целом интерьер красивый,
Столы, кабинки, дуб массивный,
Диван – огромный полукруг,
Столы для выпивки вокруг.

А стойка-бар краса резная,
Бордо там скатерть расписная,
Сервант зеркальный вдоль стоит,
Посудой, хрусталем набит.

Пол танцевальный из паркета,
Натерт до блеска, как монета,
Ждет он гостей к себе вечерних,
Студентов, клерков и военных.

А занавески на все окна,
Тюль на колечках и бархотка,
До пола шелк за ним висит,
От люстр рубином он блестит.

Вот слышу голос я знакомый,
Идет Марат, пиджак фартовый,
Меня увидел, улыбнулся,
От радости об пол споткнулся.

Он подошел, и мы обнялись,
Три раза в щеки целовались:
«Куда пропал? – спросил Марат,
Как будто я тебе не брат».

«Да нет, – тогда ответил я, —
Работа, мама и семья,
Теперь еще Олимпиада,
Кому почет, кому награда».

«Давай обедать, – брат сказал,
Меню со столика он взял, —
Ты выбери себе по списку,
На кухню подадим записку».

Тогда Марату я признался:
«Билет купил, не отказался,
Обед мой стоит три рубля,

Сметана, хлеб, горшок борща».

Марат тихонечко встает,
На выход он трусцой идет,
Я слышу: «Федя, твою мать,
Как деньги с брата мог ты взять,

Ты видишь, что мы с ним похожи
Одно лицо из смуглой кожи,
И рост один, и антураж,
Ты мне устроил саботаж.

Тебя сейчас чуть-чуть побью,
Как раз три раза по рублю,
За чек, который брату дал,
Устроил здесь ты нам скандал».

Тут Федя три рубля достал,
Марату в руки он отдал:
«Кому-то тетка, кому-то сват,
На лбу нет записи, что брат».

«Прости ему, – Марат сказал, —
Он первый раз сюда попал,
Спроси его, куда идешь,
Ответ получен, с него грош».

Марат мне денежки вернул,
На кухню быстро завернул,

Смотрю, несет большой поднос,
Еду он сам на стол принес.

Мы за столом расположились,
Друг другу тихо поклонились,
В борщ потекла ручьем сметана,
Платить не нужно из кармана.

Марат спросил: «Как на работе?»
«День мой прошел в одной заботе,
Начальник цеха сук изгнал,
Директор мне путевку дал.

У нас в Москве Олимпиада,
Нам подежурить там награда,
Затем путевку на курорт,
По два оклада в оборот».

«А у меня все как всегда,
Работа, дом, ты и друзья,
Мужик недавно заезжал,
Привет тебе передавал.

На кладбище он не копает,
Смотрителя там замещает,
Контора стала ему домом,
Все мужики к нему с поклоном.

Есть у него образование,

Прошел тюрьму он, воспитание,
С него все обвинения сняли,
Диплом вернули и медали.

В семью он больше не вернулся,
От сына также отвернулся,
Он тут немного приболел,
Семья: „Мужик нам не удел“.

С погоста все к нему ходили,
Еду в больницу приносили,
Ему лекарства доставали,
Нет, умереть ему не дали.

Я с ним немножко поругался,
Еще чуток – и я б подрался,
Он заболел, а мы не знаем,
Страдает он, а мы гуляем.

Ну, слава Богу, пронесло,
Вновь на погосте всем светло,
Все план по копке выполняют,
Проблем на кладбище не знают.

Я здесь немножечко скучаю,
Наш павильон все вспоминаю,
Природный парк, пруд и каштаны,
При входе церковь и фонтаны.

Крутая лестница в обрыв,
На лодках по реке заплыв,
Паром на пляж везет людей,
И нет отбоя от гостей.

Где взять такие вечеринки,
Там день рождения, там поминки,
Там комсомольские пьянчужки,
Столы ломают, бьют все кружки.

А мы под ночь все убираем,
Посуду моем, вытираем,
Мангал очистим от углей,
Все чисто, на душе теплей.

А здесь, как в замкнутом кругу,
Бредешь к обычному углу,
Народ пока мне не знакомый,
И вход сюда к нам не дешевый.

Меня директор уважает,
Приеду я, меня встречают,
Машину ставлю я у входа,
У нас главенствует свобода.

Народ идет не так уж много,
Тебя здесь нет, мне одиноко,
О нас клиент еще узнает,
Кафе „Фили“ пока страдает.

Придет в Москву Олимпиада,
А с ней народ, и нам отрада,
О нас узнает весь район,
Пойдет народ, как в павильон.

Ко мне ты тоже приходи,
Хоть утром, днем или в ночи,
Зачем алмаз во сто карат,
Ты мне единственный здесь брат.

Списал я кухню с павильона,
Здесь от салата до бульона,
Шеф повар для людей ваяет,
Клиент от той еды растает».

И я растаял от борща,
Затем картошка, два леща,
Графин с компотом осушили,
Расстаться вовсе не спешили.

Но меру тоже нужно знать,
Давно отец мне дал познать,
Обед наш в ужин перетек,
Марату дал тогда намек:

«Спасибо, брат, за угощение,
Спасибо за твое терпение,
Спасибо, что ты дверь открыл,

Спасибо, друга накормил».

Марат: «Тебя я провожу»,
Из глаз смотрю, пустил слезу,
Нет близких у меня в Москве,
Один лишь ты в моей судьбе.

Пошли с Маратом мы в фойе,
Швейцар смотрю, бежит ко мне,
Меня он радостно обнял:
«Прости за все», – он мне сказал.

Ему я: «Бог простит, в ответе,
У нас прописано в завете,
Я Вас ни в чем не упрекаю,
Всех я люблю и уважаю».

Он так же вдруг пустил слезу:
«Вы приходите, вас я жду,
Для вас всегда проход свободен,
Марата брат нам всем угоден».

На улицу с Маратом вышли,
Вдох запаха цветущей вишни,
Обнялись мы и попрощались,
Три раза в щеки целовались.

Иду спокойно я домой,
Весна простилась с зимой,
Июнь рукою машет маю,
Вступаю в парк, благоухаю.

Десятый час, еще светло,
А на душе белым бело,
Наш Храм еще в беде погружен,
Кому-то я на свете нужен.

Я через парк домой иду,
На Храм наш с гордостью смотрю,
Народ на паперти стоит,
Молитву Богу он гласит.

Я ритуал не изменяю,
Иду, ворота обнимаю,
Скрипач «Царя храни» играет,
Пятак за это получает.

Я свечку у бабуль купил,
Поставил Богу, чтоб простил,
Всем людям тем, что согрешили,
У Бога милости просили.

Затем скрипач, моя рапсодия,
Звучит с трех струн его мелодия,
Меня узнал, смычок рванул,
О, Боже мой, опять ноктюрн.

Душа моя благоухает,
А скрипка в такт душе играет,
Я рубль в тарелку положу,
Так просто я не ухожу.

Нога на паперть опустилась,
Глава к земле сама склонилась,
«О, Боже мой, прости народ
Наш Русский, он тебе оплот».

С трудом главу я поднимаю,
О Русской радости мечтаю,
Откроет Храм свои врата,
Уйдет от нас хула, беда.

Затем я трижды помолился,
Родному Храму я крестился,
Я через парк спешу домой,
Наш двор завет меня родной.

Оврагом через пруд трусцой,
Иду в свой двор, такой родной,
Струны гитары слышу звук,
Девчонки там уже поют.

В беседке тьма уже артистов,
Певцов, певиц и гитаристов,
Попсе все нашей подражают,
На сцену выйти все мечтают.

Я подошел, так незаметно,
Играл оркестр так конкретно,
Капелла девушек звучала,
Кто в лес, кто по дрова сначала.

Когда закончилась программа,
В беседке развернулась драма,
Меня увидели девчонки:
«Давай споем о тех, в сторонке».

Пошла гитара разрываться,
Девчата стали улыбаться:
«Пришли девчонки, стоят в сторонке,
Платочки в руках теребят,

Потому, что на десять девчонок,
По статистике девять ребят».
Поэт советский написал,
Он Бога в жизни не видал.

Над Русью есть Святая Мать,
Она девчатам плоть и стать,
Девиц в России лишних нет,

В главе рождения паритет.

В войну девчата воевали,
Не меньше мужиков страдали,
От пуль фашистов погибали,
Те, кто в тылу был, умирали.

В блокаду жили мать с детьми,
Краюху хлеба на куски
Ломала мама всем детишкам,
Своим и прочим ребятишкам.

Сама от голода валилась,
Еда во сне ей только снилась,
Она не ела, умирала,
Детей своих она спасала.

В Победу вклад внесли большой
Девчата с Русскою душой,
Их роль немного принижали,
Мы хорошо об этом знали.

Девчата мне: «Останься с нами,
Домой нас матушки не звали,
Мы под гитары будем петь,
На небо звездное смотреть».

«Спасибо вам, – тогда сказал, —
Сегодня я чуть-чуть устал,

Наступит скоро выходной,
Пойдем гулять в наш двор гурьбой».

Ребятам руку я пожал,
Девчат я взглядом провожал,
Они немного загрустили,
Гитары их развеселили.

А я побрел в родной подъезд,
Туристов скоро к нам заезд,
Дверь наша больше не скрипит,
Свет весь на этажах горит.

Покрыты краскою все стенки,
Увы, но разные оттенки,
И потолки все побелили,
Замки на окнах заменили.

В квартиру я к себе зашел,
Маманю взглядом в ней нашел:
«Давай сыночек разувайся,
Там тапки, ванна, умывайся».

Я с ходу ей тогда напел:
«Я у Марата был, поел,
Попил бы чаю я с вареньем,
Вприкуску, так сказать, с печеньем».

Она: «Как скажешь ты, сыночек,

Пойду, налью тебе чаёчек,
Тебе пусть будет угощение,
Варенье с вишней и печенье».

«Спасибо», – маме говорю,
А сам в глаза её смотрю,
Слезинки веки набирают,
Глаза боятся, но моргают.

Слезу боятся проронить,
Тем самым щеки намочить,
Любая мать ребенка ждет,
И от окна не отойдет.

Я сел за стол, подул на чай,
Парок из кружки невзначай,
Вприкуску вкусен чай с печеньем,
Покрыто все оно вареньем.

Маманя вновь: «Как день прошел,
Что для себя ты приобрел,
Каких людей сегодня встретил,
На чьи вопросы ты ответил».

Я ей ответил, как всегда:
«Вопросы – это иногда,
В карман за словом не полезешь,
Вопросы есть, на них ответишь.

Я на работе весь в трудах,
Печать на разных языках,
Труды больших наших вождей,
От них не станем мы умней.

Абрамыч с дылдою на пару,
Давали мне сегодня жару,
Одна – ты станешь комсомольцем,
Второй с ней в такте добровольцем.

Начальник цеха увидал,
По ж. пе им обоим дал,
Ушли две подлые душонки,
В пол опустились их глазенки.

Директор в клубе речь держал,
Абрамыч пару слов сказал,
Ему там быстро рот закрыли,
На место, в кресло усадили.

Олимпиада к нам идет,
Людей достойных она ждет,
Порядок им она доверит,
Людей порядочность проверит.

Меня избрали в ту плеяду,
Все молодые парни к ряду,
Имеем армии награды,
Теперь мы ждем Олимпиады.

Меня с работы не отчислят,
Двойной оклад затем начислят,
Путевку к морю на курорт,
Директор выдаст за аккорд».

«А что такое сын аккорд,
К какому морю на курорт?» —
Меня она тогда спросила,
Из глаз опять слезу пустила.

«Аккорд – аккордные работы,
Курорт – там отдых без заботы», —
Промолвил маме я в ответ,
Пойду я спать, вставать в рассвет.

«Постель твоя давно готова, —
Сказала мама, всхлипнув снова, —
Ступай, сынок, ложись ты спать,
Тебе и впрямь с зарей вставать».

Пошел я в ванную, умылся,
Водой прохладной весь облился,
Взбодрил немного своё тело,
С утра оно того хотело.

Я лег в родную мне кровать,
Усталость есть, стал засыпать,
Меня согрело одеяло,

В подушке голова пропала.

Да, тело быстро онемело,
Душа наверх моя летела,
Мозги, как лампы отключились,
В сон повседневный провалились.

* * *

Душа летела над полями,
Дремучими для нас лесами,
Над речками и над морями,
Летела также над горами.

Красот таких я не видал,
Сам Бог во сне мне их прислал,
Земля моя, его творение,
Летишь и видишь представление.

Я над Афганом пролетал,
Чернь лишь в горах я увидал,
Война – Иуды развлечение,
Забыли Бога наставление.

Агрессор – это сын Иуды,
Вселенский бес, дитя п. скуды,
Послал молодых ребят на смерть,

За что там можно умереть?

Защитник – это сын Отчизны,
Умрет он, не услышав тризны,
От ран смертельных он страдает,
Родную землю защищает.

Я видел мирные народы,
Земли оазис и природы,
Там все, что есть для человека,
С рождения жизни рад калека.

У них цветущая дорога,
Не видно там распятье Бога,
Иуду там скота изгнали,
Жизнь в счастье там давно узнали.

Там нет к войне и аргументов,
Нет и партийных элементов,
Ложишься с праздником, встаешь,
И с Богом жизнь свою живешь.

Ну, вот и Млечная дорога,
Она под вечным оком Бога,
Босой ногой по ней ступаю,
Второй тихонько наступаю.

Иду украдкой, не спеша,
Во мне волнуется душа,

Но, что я вижу, мой Святой,
Раскинул руки надо мной.

Пред ним я на колени встал,
Челом три раза отбивал,
Он за руки меня поднял:
«Ну, здравствуй, раб», – он мне сказал.

Я: «Здравствуйте», – ему ответил.
Он мне: «Тебя давно приметил,
На Млечный ты вступаешь путь,
Тыс Богом понял жизни суть.

Давай присядем здесь, у края,
Есть Истина, она Святая,
Нелегкий день прожил сегодня,
Сидишь напротив ты Господня.

Тебя сегодня я заверю,
Три истины тебе поверю,
Их в голову себе возьмешь,
Надеюсь, ты меня поймешь.

Начнем со смерти и рождения,
Жизнь между ними и движение,
На свет родился, проживаешь,
Ты умер, просто доживаешь.

Как доживешь, ты вновь родишься,

Опять ты в жизни веселишься,
Придет пора вновь умирать
И Богу душу отдавать.

На этот свет, когда родился,
Счет сам годам твоим включился,
И если жизнь свою поймешь,
Ты в свете долго проживешь.

Есть жизнь, есть смерть,
Есть день, есть ночь,
Есть свет, есть тьма,
Есть воля Бога, есть тюрьма,

Есть чаша, что всегда полна,
Есть в жизни просто пустота,
Есть Вера, есть и атеизм,
Есть равенство, есть коммунизм.

Есть послушанье, есть строптивость,
Есть жадность, есть добро и милость,
Здоровье есть и есть недуг,
Есть враг тебе и есть твой друг.

Когда тебя в Раю зачали,
Над вами ангелы летали,
Ты плод у мамы в животе,
Рождения ждал в Святой воде.

Тебе пришла пора родиться,
Ушла из живота водица,
Ты испугался, зарыдал,
В минуту свет ты увидал.

Мать твоя мучилась, крестилась,
Мгновение и дитя родилось,
Свет Божий он не принимает,
К груди дитя мать прижимает.

Он голый и не понимает,
Мозги ребенок не включает,
На свет попал он из воды,
Где взять ему сейчас еды?

Мать на руки его берет,
Грудь в рот ему свою дает,
А он кричит, слух разрывает,
Притих и молоко лакает.

Поел, устал, в руках уснул,
Он полной грудью мир вздохнул,
Начнет он скоро узнавать,
Людей, отца и свою мать.

В нем разум начал появляться,
Мозги, что спали, просыпаться,
Забыл уже, как он родился,
С небес от Бога как спустился.

Он жизнь прожил свою достойно,
О смерти думал он спокойно,
Вдруг в легких что-то закололо,
Испуг и сердце прокололо.

Вмиг разум голову покинул,
Ум в черепе куда-то сгинул,
Дар речи также потерял,
Кто рядом, он не узнавал.

Его на одр положили,
Водой Святою напоили,
Он жив, лежит, не понимает,
Ему грехи Святой прощает.

Взгляд устремился его вверх,
Он умирает здесь, при всех,
Еще мгновение и дыхание,
Пришла минута расставания.

Душа в себя его пришла,
Из глаз его слеза пошла,
„Прости, прощай“ он всем сказал,
Глаза закрыл и умирал.

И вот последнее дыхание,
Душа из тела, расставание,
Шар светлый устремился ввысь,

Бог сверху: „За него молись“.

Затем покойного раздели,
Омыли тело и одели,
В гроб чисто белый уложили,
Расшитым саваном накрыли.

Храм Бога, слышим отпевание,
Затем к земле родной предание,
Последнее у нас свидание,
Есть встреча, будет расставание.

Мой раб, ты что-то заскучал,
В рождение смерть я рассказал,
Одно с другим и есть явление,
Есть истины и в них знамения».

«Да, нет, – Святому я сказал, —
Я слушал, истины искал,
Рассказ меня Ваш вдохновил,
Прибавил жизненных мне сил.

В рассказе истины нашел,
Как я родился, так ушел,
Испуг дает толчок в рождение,
Испуг и жизни завершение.

Нас мать без разума рожает,
Пред смертью он нас покидает,

В рождение просто мы рыдаем,
Как умирать, слезу пускаем.

Мы голышом на свет родились,
Водой Святою мы умылись,
Мы голыми и в тьму уйдем,
Нас похоронят, мы умрем.

Есть истины у Вас в рассказе,
В одной они звучат все фразе,
Слова Святого нам учение,
Пример есть в нашем поведении.

Есть человек, и он ворует,
Другой бессовестно торгует,
Иной обманом промышляет,
Себе карманы набивает.

Там взятку дал, там получил,
Тот преступление совершил,
Есть люди, просто аферисты,
Играют с нами, как артисты.

Карманы люди набивают,
Они забыли и не знают,
На свет мы голыми пришли,
Прожили, голыми ушли.

С собой мешок не заберешь,

С деньгами к Богу не пойдешь,
В гробу их сложно разместить,
Тебя в чем будут хоронить?

Один в народе пригодился,
Другой в овраг с горы скатился,
Один работает и пашет,
Другой стащил и вслед нам машет.

Кто честно жизнь свою живет,
Тот очень долго смерти ждет,
Испуг порядок не возьмет,
Честь долго в людях проживет.

А тех, кто с Богом не живет,
Испуг их быстро сам найдет,
Отчистит тело догола,
И разум вычистит дотла.

Рождение, смерть, смерть и рождение,
Пред Богом есть одно явление,
Одно другому не мешает,
Жить в смерти Бог нам позволяет».

«Позволь тебе, мой раб, сказать,
Ты начал много понимать,
В рождении люди все равны,
Рост интеллекта от семьи.

Когда жизнь тело покидает,
Наш разум тут же исчезает,
Мы паперть видим, высь с порогом,
Равны стоим все перед Богом.

Пред Богом нет больших чинов,
Нет умных там пред ним голов,
В толпе земной нет суеты,
Пред Богом люди все равны.

Их тело есть вода с землей,
Эфир и ум зовут душой,
Когда они объединятся,
Начнет младенец улыбаться.

Начнет он сразу понимать:
Отец его, а рядом мать,
Увидит он бабулю с дедом,
Им улыбнется за обедом.

Когда нас разум покидает,
Душа наверх от нас взлетает,
Детей своих не узнаем,
Мы к Богу медленно идем.

Испуг дает нам жизнь и смерть,
Событие есть, должны одеть,
Да, в смерти разум улетает,
Родились вновь, нас посещает.

Тебя, мой раб, я утомил
Беседой, истины гласил,
Ты должен думать о себе,
Мы к взрослой подошли черте.

Твой путь, поверь, мне не разгладить,
Есть люди, могут и нагадить,
Испуг и нет того злодея,
Ты скажешь: „Бог с ним“, не жалея.

Есть люди, зла тебе желают,
В работе пред тобой мелькают,
Но больше тех, к тебе с добром,
Идут и вечером, и днем.

Я, раб, к тебе уже привык,
Беседа наша просто миг,
С восторгом жду с тобой свиданий,
Не вижу горечь расставаний.

Тебя ждут в жизни перемены,
Олимпиада и спортсмены,
Достойно выступишь работу,
Проявит цех к тебе заботу.

Тебя в цеху все полюбили,
„Достойный“ – званием наградили,
Есть двое, зла тебе хотят,

Ты отвернись от тех ребят.

Давай, мой дорогой, прощаться,
Свет ранний, нужно подниматься,
Тебя сегодня ждет учение,
Освоить нужно поручение».

Я крепко со Святым обнялся,
Три раза в щеки целовался,
Он поступью пошел наверх,
Во сне крестился я при всех.

* * *

Я рано, как всегда, проснулся,
С ленцой в кровати потянулся,
Я у мамы не забыт,
Мой завтрак на столе, накрыт.

С утра маманя на работе,
Болеют дети, вся в заботе,
С любовью нужно их лечить,
Как без детей на свете жить!

Я завтрак быстренько умял,
Помыл посуду, в шкаф убрал,
На зеркале я взял расческу,

Навел на голове прическу.

На улице давно тепло,
Не нужно одевать пальто,
Футболка, курточка ветровка,
Есть капюшон, а в нем веревка.

Мой путь к метро, маршрут обычный,
Для всех он жителей привычный,
Июнь, природа расцветает,
Во мне душа благоухает.

Мой сон ночной пронзил мне тело,
Внутри, то лед, то все кипело,
Святой все видит и все знает,
Он в небе над землей летает.

Но вот родное мне метро,
В вагонах душно и тепло,
Все с нетерпением ждут субботу,
Народ наш едет на работу.

Приехал, станция Арбат,
Кольцо бульвара, аромат,
С утра артист на нем поет,
Акация кругом цветет.

Бульварное кольцо помыто,
Блестят все лавочки, все чисто,

Пух тополинный, как снежинки,
Дает нам свежесть и картинки.

Идет москвич и стар, и млад,
С кольца и прямо на Арбат,
Московский воздух он вдыхает,
Свежей, чем утром, не бывает.

Я вижу типографский клуб,
Растет пред ним столетний дуб,
Под ним коллеги собрались,
Я подошел, мы обнялись.

Ну, как же нам без комсомолки,
Идет она в одной футболке,
Грудь вновь колени ей отбила,
Спешит трусцой под дуб верзила

«Должна я дать вам наставление
Комсорг поднимет настроение,
Страна вам дело доверяет»,
«Да, ваш посыл нас удивляет, —

Вспылил я нашей комсомолке, —
У вас на нас, на всех иголки,
Ты только рот открыть успел,
В твоей карьере есть пробел.

Листочек с кляузой, поверьте,

Ложиться мягко так в конверте,
На стол парторга прилетает,
Никто об этом не узнает.

Парторг ту кляузу читает,
Очки от пота протирает,
На вид сначала он поставит,
Затем нам выговор объявит.

Партийный гнев вы не поймете,
В тюрьме часть жизни проведете,
Затем дурдом о вас заплачет,
А это все же что-то значит.

Зачем нам молодость ломать,
Зачем бумажку вам писать,
Скажите – дали наставление,
И всем подняли настроение».

«Ну, хорошо, пусть будет так,
Ты выступать, смотрю, мастак»,
Сказала комсомолка мне,
Напишет, значит быть беде.

Её я кляуз не боюсь,
Достойно я в цеху тружусь,
Иначе здесь бы не стоял,
И инструктаж не получал.

Подъехал к нам микроавтобус,
Раскрашен он под синий глобус,
Мы в нем спокойно разместились,
Да по объектам покатались.

Вот проезжаем Лужники,
Объект – спортивных две руки —
Большая, малая арены,
Там тренировки в обе смены.

Мы вышли у большой арены.
«Работать будем без замены, —
Сказал нам старший консультант, —
По рации для всех контакт.

Вы в армии все отслужили,
Волну ловить вас обучили,
Есть чистота, на ней объект,
Дадим вам имя, как субъект.

На время имена забудем,
Общаться, как субъекты будем,
На связь напрасно не выходим,
С улыбкой по объекту ходим.

Здесь первое пройдет событие,
Олимпиады день открытия,
Откроем праздник, разойдемся,
Все по объектам разбредемся.

Вас разместят по секторам,
Смотреть с трибун по сторонам,
Приедут гости и агенты,
У них не схожи аргументы.

Вам нужно вычислять агентов,
Других не нужно аргументов,
По рации все доложить,
К ним ни на шаг не подходить.

С агентом дальше разберутся,
Есть органы, что им займутся,
А гости будут наслаждаться,
И спортом мирным восхищаться.

Приедет Леонид Ильич,
Прочтет он речь и кинет клич,
Олимпиаду он откроет,
С политбюро тостом обмоет.

Затем парад пройдет спортсменов,
Ирландцев, немцев, джентльменов,
И наши Русские пройдут,
Здесь дома нас не подведут.

После парада – по объектам,
Задача та же: нет – агентам!
Себя врагам не выдаем,

Доклады мы от всех вас ждем.

Работать будем допоздна,
У всех есть комната, еда,
Осмотр трибун после гостей,
Затем домой к себе быстрее.

Когда медали раздадут,
Сюда обратно все придут,
Аплодисментами парад,
Закроем мы Олимпиаду.

У нас задача не простая,
Страна, для нас, для всех родная,
Её нельзя нам подводить,
Любовь её должны ценить.

Теперь хотел бы вам сказать,
Всех поименно вас называть,
И, если все пройдет отлично,
Медаль получит каждый лично.

Всем на работе благодарность
За труд нелегкий и лояльность,
Пособие дадут двойное
И отдых на курорт, на море.

Есть у кого ко мне вопросы,
Не бойтесь – это не доносы,

Отвечу я на них мгновенно,
Все будет чинно и отменно.

Ваш инструктаж закончил я,
Теперь мы все одна семья,
Сейчас вас практике обучат,
Как преподать себя, научат».

Нас обучали, как сидеть,
В какую сторону смотреть,
Нам показали наркоту,
Увидел гадость наяву.

Нам показали, как ходить,
Как нарушителя ловить,
Как оставаться незаметным,
Ваш брат не должен быть известным.

Нам был поставлен разговор,
Вы заступаете в дозор,
Наркотики должны вы взять,
Вас невозможно распознать.

Есть негодяя нарушение,
Вам делать нужно отступление,
Пусть торжествует этот гад,
А вы по рации доклад.

Пройдет всего одно мгновение,

Раскроют тут же преступление,
Его с трибун, как ветром сдует,
В отделе он, права диктует.

У вас есть основной объект,
Идет на спорт один клиент,
В руках его простой пакет,
Цветов там может быть букет.

Он разместится, где толпа,
Болесть он станет, как всегда,
Букет с пакетом под трибуну,
Пойдет в буфет искать фортуна.

Должны сработать вы мгновенно,
В толпу ворваться откровенно,
Места отчистить от людей,
Знать, где ждет взрыва прохиндей.

Доклад по рации быстрее,
Не погубить родных людей,
Сапер мгновенно к вам приедет,
Букет с пакетом обезвредит.

Нас месяц так тренировали,
Осечки были, мы молчали,
Мы изучили все углы,
Объекты нам теперь свои.

Я выбивался весь из сил,
Домой я поздно приходил,
Но мама каждый день встречала:
«Одна я целый день, скучала».

У старших братьев и сестер,
Свой в жизни создан коридор,
У всех уже свое жилье,
Живут отдельно, как барьё.

Я очень рад за них, за всех,
Отдельно жить, в стране успех,
Я им желаю всем добра,
Здоровья, счастья и ума.

Мой брат-близнец нашел девчонку,
Ушли из дома жить в сторонку,
Увы, но я с ней незнаком,
Работа, служба, поздний дом.

С семьей я связи не теряю,
Всех с праздниками поздравляю,
Но я последний, я седьмой,
Остался с мамою родной.

Да я ничуть не огорчаюсь,
На праздник с сестрами встречаюсь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.